

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Л.Н. Абрамова

ИПОСТАСИ ЛЮБВИ

Монография

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2016*

УДК 159.942.5
ББК 88.576.6
А16

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 24.12.2015 г.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 2 от 25.02.2016 г.

Автор: доцент кафедры прикладной психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук **Л.Н. Абрамова**

Рецензент:
действительный член-корреспондент Национальной академии педагогических наук Украины, академик Академии духовных наук, доктор педагогических наук, профессор *А.М. Богуш*

Абрамова, Л.Н.

А16 Ипостаси любви : монография / Л.Н. Абрамова. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – 99 с.
ISBN 978-985-517-536-1.

Автор раскрывает остродискуссионную философскую проблему, опираясь на разные источники, научные исследования, христианские учения и художественную литературу.

Данная монография будет полезна научным работникам, психологам, молодым педагогам, а также всем, кто интересуется таким сложным и многоаспектным понятием, как любовь.

УДК 159.942.5
ББК 88.576.6

ISBN 978-985-517-536-1

© Абрамова Л.Н., 2016
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТИННОГО ИСТОЧНИКА ЛЮБВИ	7
ГЛАВА 2 ФИЛОСОФСКАЯ ОЦЕНКА ЛЮБВИ В ДОХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД	17
2.1 Представление о любви в античный (языческий) период ...	17
2.2 Преодоление языческого толкования любви в постхристианский период	43
ГЛАВА 3 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОИСК ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЮБВИ	58
ГЛАВА 4 КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЛЮБВИ	73
ГЛАВА 5 МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	94
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	97

ПРЕДИСЛОВИЕ

Без Бога нация – толпа,
Объединённая пороком, Или слепа, или глуха,
Иль, что еще страшней, жестока.

И пусть на трон взойдёт любой,
Глаголющий высоким слогом,
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу.

Иеромонах Роман

Только в любви и через любовь человек становится человеком. Без любви он неполноценное существо, лишенное подлинной жизни и глубины и не способное ни действовать эффективно, ни понимать адекватно других и себя. И если человек – центральный объект философии, психологии и других наук, то тема человеческой любви, взятая во всей ее широте, должна быть одной из ведущих. Прошлый век, вобравший в себя две мировые войны и серию гражданских войн, жестокие тоталитарные режимы, войдет в историю не только как время выдающихся социальных и научно-технических достижений, но и как эпоха особой бесчеловечности и агрессивности, коррупции, попрания общечеловеческих ценностей, массового уничтожения людей. В нашем обществе в период застоя широко распространились равнодушие, апатия, зависть, озлобленность.

Все это говорит об остром дефиците любви, о явном ее обеднении и сужении ее сферы. Сейчас – будь то художественная литература, искусство, религия, философия или психология – нужно, прежде всего, будить в человеке способность любить и в особенности любить другого человека.

Проблема любви – сложная многоаспектная проблема, пограничная между языком, теологией, искусством, философией и психологией. В современных научных исследованиях широко используется термин «концепт» (от лат. conceptus – понятие). В.А. Маслова приводит ряд определений концепций зарубежных и российских лингвистов. Исследователь дает свою оценку понятия «концепт»: это ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, отношение говорящего к объекту, различные коннотации и ассоциации, возникающие при его восприятии, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и даже целых текстов). Лингвокультурный концепт отличается от иных ментальных единиц, используемых в других областях науки, акцентуацией ценностного

элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип»¹.

При этом автор предупреждает: наибольшую сложность для описания представляют концепты, которые обедняются и упрощаются из-за позитивистского воззрения на мир, утраты идеального библейского объема слова. Слово – барометр праведности и правильности нашей жизни. Оно набирает глубину и мельчает в зависимости от нашего понимания мира, явлений, вещей в нем. Через продолжительную литературную традицию оно может становиться экспрессивным, поражать богатейшими нюансами смысла, но при этом оно может потерять свою вселенскую, божественную высоту. Это такие общечеловеческие ценности, как душа, вера, надежда, грех, спасение, милосердие и т.д.

Мы сосредоточимся на концепте «любовь», так как это – ядро духовного кода, ибо Бог есть Любовь (1 Кор. 13, 4–9). Вера, надежда, любовь из них больше, так как она переживает надежду. Отсюда следует теологическое понимание любви. Сейчас развивается новое направление – теолингвистика. Филологи называют отцом теолингвистики Ноппена. В современной психологии ее основателями можно считать М.К. Мамардашвили, В.П. Зинченко, Б.С. Братуся. Они полагают, что проблема психологии состоит в ее безмодельности и марксистско-ленинской методологии. При смене этой методологии на христианскую появляется модель. Это – Спаситель.

Мы выросли на христианской культуре (хоть и многократно предавали ее). И там следует искать наши основания и ключи. Центральным посредником, помощником, образом в этой культуре является фигура Христа. Сошлемся на В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова, которые после тщательного критического анализа различных видов опосредователей (медиаторов) духовного роста вынуждены признать: «И все же Августин был прав, говоря, что истинным медиатором является Богочеловек... Для нас он истинный, потому что именно Богочеловек вочеловечивает и одухотворяет все остальные медиаторы»². Спаситель – фокус, спасение, оправдание и упование нашей культуры, олицетворение истинного образа, сущности человека, тот пункт, цель, точка устремления, выше которой нельзя поставить, но и ниже не должно опускаться. По-гречески «грех» (аморта) – промах, непопадание, минование цели.

Психология, назвавшая себя нравственной, вправе сделать еще один, вполне естественный в нашей культуре шаг и определить себя как христиански ориентированную психологию, или христианскую психологию.

¹ Маслова, В.А. Концепты разных типов и пути их реконструкции / В.А. Маслова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой культуры мира: сб. науч. тр. – Москва–Архангельск, 2012. – Вып. 6. – С. 160–169.

² Зинченко, В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1993. – № 4.

Настала пора проявить личность, а значит, выбрать и осознать общие смыслы и ориентиры движения, понять и честно признать, какому образу человека мы собираемся служить, соответствовать в нашей профессиональной деятельности.

Христос – реальная цель эмпирического человека. Христианство не призывает человека стремиться к недостижимому на практике идеалу, но уподобляться Человеку-Христу, то есть быть «человеком возрастающим». А возвышаться к Богу и возрастать человеку дано в любви и через любовь.

В гуманитарных и светских науках любовь рассматривается как непосредственное, интимное и глубокое чувство, предметом которого выступает, прежде всего, сам человек, но могут быть также другие объекты, имеющие особую жизненную значимость. Любовь представляет собой средство социализации человека, вовлечение его в систему общественных связей на основе спонтанной и вместе с тем внутренне мотивированной потребности в движении к более высоким ценностям.

Любовь – это также единственный способ понять другого человека в его глубочайшей сущности. Говоря о любви, очень важно правильно указать источник любви, который определяется не материалистическим пониманием, а тем, которое присуще православию. С точки зрения православия, которую нам раскрывает А. Кураев, «Бог хочет не усвоить нас Себе, но подарить Себя нам. И он дал нам свободу, чтобы этот дар мы смогли принять свободно. Бог отпустил нас от Себя в надежде, что мы вернемся. Не для себя Бог нуждается в нас, а для нас. Он создал нас во времени с целью подарить нам Свою Вечность. Можно желать блага другому, можно действовать ради другого. Это называется любовью, если Бог есть любовь – то он может желать приращение блага не Себе (в Нем все благо дано от века), а другим. Именно понимание Бога как Любви позволяет увидеть в нем личность и целеполагающий разум» [24].

С точки зрения православия, это не очень сложное задание для человечества – услышать и принять слова Христа: *«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко»* (Мф. 11: 28–30).

Но исторический опыт показывает, что человечество не стремится нести это «легкое бремя» и, оказавшись в экстремальных ситуациях, задает вечные вопросы: за что? кто виноват? что делать? В мировой практике считается, что на эти вопросы некому ответить, так как человечество, выйдя из одного тупика, тут же попадает в другой. И это хождение по мукам и тупикам продолжается по сей день.

Г Л А В А 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТИННОГО ИСТОЧНИКА ЛЮБВИ

Геологический аргумент. Устройство мира и его жизнь как в отдельных частях, так и в целом (познанном) поражают своей гармоничностью и закономерностью, свидетельствующими о целесообразности и, следовательно, разумности действия силы, его созидающей. Отсюда и вывод: мир устроен таким Разумом, который должен обладать необыкновенным могуществом и сверхсовершенством, т.е. им может быть только Бог. Закономерность, наблюдаемая в мире, всегда поражала всех естествоиспытателей и мыслителей, в том числе и самого Канта, приводя их к мысли о бытии Божественного Творца.

Вот несколько высказываний признанных современных ученых об этом. «Равновесие между гравитационными и электромагнитными взаимодействиями внутри звезд, – пишет П. Девис, – соблюдается почти с немислимой точностью. Вычисления показывают, что изменение любого его из взаимодействий всего лишь на 10 в минус сороковой степени его величины повлекло бы за собой катастрофу для звезд типа Солнца» [12, с. 265]. Американский ученый Ральф Эстлинг, комментируя т.н. антропный принцип, писал: «Абсолютно во всем, начиная от постоянных, определяющих гравитационные, электромагнитные, сильные и слабые ядерные воздействия, и вплоть до основных биологических предпосылок, мы обнаруживаем, что космос в целом, наше Солнце в частности, и в особенности Земля настолько точно подогнаны к нам, что неизбежно напрашивается вопрос: а не Бог или кто-то еще с аналогичным именем создал все это, прежде всего, имея в виду нас? Это слишком много для совпадения, даже для чуда, чтобы назвать это чистой случайностью» [12].

Наш известный академик Л.С. Берг писал: «Основной постулат, с которым естествоиспытатель подходит к пониманию природы, – это тот, что в природе вообще есть смысл, что ее возможно осмыслить и понять, что между законами мышления, с одной стороны, и строем природы, с другой стороны, есть некая предустановленная гармония. Без этого молчаливого допущения невозможно никакое естествознание» [6, с. 67–68]. Иными словами, основанием науки является вера ученого в разумность мира. Эту мысль очень четко выразил А. Эйнштейн: «Моя религия – это глубоко прочувствованная уверенность в существовании высшего Интеллекта, который открывается нам в доступном познанию мире» [18, с. 44]. Приведенное высказывание очень хорошо соотносится со

словами апостола Павла: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы» (Рим. 1, 20).

Онтологический аргумент (быть, существовать) – аргумент, исходящий из идеи совершенного Существа. Логика его такова: если в нашем уме есть понятие о Существом все совершенном, то такое Существо должно существовать, поскольку, не имея признака бытия, Оно не было бы все совершенным. Мы мыслим Бога Существом все совершенным, следовательно, Он должен иметь и свойство бытия.

Впервые этот аргумент сформулировал архиепископ Ансельм Кентерберийский (1109). Р. Декарт (1650) дополнил его мыслью, что нельзя представить себе происхождения в человеке самой идеи Бога без Его реального существования.

Психологический аргумент. Основная идея его была высказана еще Августином Блаженным (1430) и развита Р. Декартом. Сущность его заключается в следующем. Поскольку идея Бога как Существа все совершенного, вечного, присутствует в человеческом сознании, а такая идея не могла произойти от впечатлений внешнего мира, как глубоко отличного от представлений о Боге, ни как результат чисто мыслительной деятельности человека, его психики, – следовательно, источник этой идеи принадлежит Самому Богу. Подобную мысль высказывал в свое время знаменитый римский оратор, государственный деятель и мыслитель Цицерон (43 г. до н.э.), который писал: «Если бы истина бытия Божия не была понята и признана в нашей душе, то одно мнение не могло бы ни быть постоянным, ни подтверждаться давностью времени, ни состариться вместе с веками и поколениями людей: ибо мы видим, что прочие вымышленные и пустые мнения с течением времени исчезли. Кто теперь думает, что существует гиппокентавр или химера?... Время избличает мнения ложные, подтверждает истины природные» [цит. по: 24, с. 176–177].

Исторический аргумент. На этот аргумент как самый надежный ссылается уже Цицерон: «Мы считаем, – говорит он, – нужным указать на то, что нет племени столь дикого, нет человека, настолько потерявшего сознание о нравственных обязанностях, душу которого не освещала бы мысль о богах. Многие о богах думают не право, но это обыкновенно происходит от нравственного развращения и порочности: все, однако же, убеждены в том, что есть сила и природа божественная. И такое признание не от предварительного уговора и соглашения людей; это памятование о богах утвердилось не в силу государственных постановлений или законов, но во всяком этом деле единомыслие всех народов должно быть почитаемо законом природы» [цит. по: 24, с. 176].

Подобное же пишет и известный греческий писатель, философ Плутарх [120]: «Обойди все страны, ты можешь найти города без стен, без

письменности, без правителей, без дворцов, без богатств, без монеты, но никто не видел еще города, лишённого храма, в котором не воссылались бы молитвы, где не клялись бы именем божества...» [24, с. 177].

Действительно, истории неизвестно ни одного атеистического племени. Эта идея, которой жило все человечество всю историю своего существования, не есть плод «земли», но имеет своим источником Самого Бога.

Нравственный аргумент. Этот аргумент в зависимости от принимаемого основания имеет два вида. Один из них исходит из факта присутствия в человеке идеи и чувства нравственного (т.н. нравственного закона – присущее человеку свойство различения добра и зла, голос совести и внутреннее требование правды, выражающееся в основном принципе: «Не делай другому того, чего не желаешь себе»), другой – из идеи нравственного и духовного совершенства человека как высшей цели, к которой стремится нравственное существо.

То, что в нас существует нравственный закон, повелевающий делать добро и осуждающий в голосе совести зло, – несомненный факт. В этом убеждает личный опыт, опыт окружающих, существование общественного мнения, законов, заповедей и т.д. Каков источник этого закона?

По этому вопросу имеются разные точки зрения. Основными из них являются: биологическая, автономная, социальная, религиозная.

Биологическая точка зрения объясняет возникновение нравственного закона в человеке его стремлением к удовольствию и пользе, которые, таким образом, являются единственными критериями различения добра и зла. С этой точки зрения все, что дает человеку возможность наилучшим образом «устроиться в жизни», и приносит наибольшее наслаждение – хорошо и нравственно и, напротив, все, что мешает этому, – плохо. Предпосылкой подобного взгляда на нравственность является то обстоятельство, что человек рассматривается здесь не более как животное (только с компьютером в голове), в котором нет и не должно быть ни души, ни присущего человеческой природе стремления к истине, красоте, правде, любви бескорыстной... к Богу. Полнота так называемого счастья на земле – вот единственное божество, которому в жертву приносится все: и совесть, и правда, и отцы, и дети.

При всем примитивизме и неприглядности этой точки зрения, рассматривающей жизнь и нравственность чисто утилитарно, она у значительного числа разумных существ, даже, по-видимому, не согласных с таким пониманием жизни, является основной жизненной установкой. Причина понятна: «кожа» побеждает ум. Очевидно, что этот взгляд не только чисто волюнтаристски исключает «вертикальное» измерение человеческого сознания, в силу которого в поисках истины, в борьбе за правду нередко оставляет и богатство, и славу, и наслаждения, но в нем

игнорируется и самая элементарная действительность этой жизни, прямо и непрерывно показывающая, на каком тончайшем волоске висит любое человеческое благополучие: всего один «не вовремя» лопнувший сосудик лишает человека во мгновение ока всех благ и наслаждений, самой жизни.

Не штык, так клык, так сугроб, так шквал,
В Бессмертье что час – то поезд!

М. Цветаева

Поэтому подлинное кредо этого понимания жизни: «Мы живем один раз, после нас хоть потоп», – звучит как насмешка над разумом и смыслом, «как пир во время чумы», ибо человеку предлагают, по существу, не более как насладиться мигом полета... в пропасть (закрыв при этом покрепче глаза).

Вполне очевидна и другая ошибка этого взгляда. В любом человеческом обществе далеко не каждый поступок, который приносит наслаждение или пользу его совершившему, считается нравственным. Часто, напротив, он рассматривается как аморальный и противозаконный. И даже в самых «свободных» цивилизациях, дошедших, кажется до предела моральной «освобожденности» человека, все же остается идея его нравственного достоинства и совершенства, состоящая, как ни странно, в господстве личности над низменными инстинктами и чувственным эгоизмом. И во все времена нравственный закон давал себя знать в практической жизни народов, требуя часто от человека во имя каких-то высших идей и чувств не только отречения от удовольствий, но и жертвы самой жизнью, жертвы нередко прямо «вредной» с точки зрения общественной пользы.

Автономная гипотеза, в лице Канта, находит, что человек, как существо разумное и абсолютно свободное, сам устанавливает себе нравственный закон, который независим от каких-либо внешних по отношению к нравственности условий, интересов и целей. Кант тем самым утверждает такую самостоятельность личной совести, которая формулирует всеобщие и общеобязательные нравственные нормы исключительно по внутреннему убеждению. Этот нравственный принцип, которым должны руководствоваться все люди, Кант назвал категорическим императивом. Он имеет две взаимодополняющиеся формулировки. Первая: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом», и другая формулировка: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [18, с. 260, 270].

Идея автономной этики Канта естественно вытекает из его деистических воззрений. Но в этом и ее уязвимость. Из признания Бога Творцом следует, что все законы (физические, биологические, рациональные, нравственные, духовные) «даны» Богом, а не созданы волею человека. И в этом качестве они существуют постольку, поскольку сохраняется единение «узла творения» – человека – с Богом. Профессор Московской духовной академии В.Д. Кудрявцев (1892 г.) справедливо писал: «Истинный источник закона нравственного, так же, как и прочих законов нашей природы, вне нас, в той высочайшей природе, которой мы обязаны своим существованием, – в Боге. О независимом от человека происхождении нравственного закона говорит как психологический опыт, указывающий на существование в нас этого закона прежде и независимо от каких-либо определений нашего разума и воли, вызвавших его появление, так и идеальный характер этого закона, необъяснимый из данного состояния человеческой природы» [22, с. 434–435]. Нравственный закон всегда оказывается шире и выше тех норм, которыми человек хотел бы регламентировать свою жизнь, и этот закон он не в силах отменить при всем своем желании: голос совести часто слышат самые закоренелые преступники, избравшие себе иной закон.

Социальная точка зрения исходит из той основной идеи, что нравственный закон порождается социальной жизнью людей. Он диктуется интересами доминирующих групп и классов, возникает и изменяется в ходе исторического развития общества. Источником нравственного закона, совести в человеке является общество.

Данная точка зрения представляет собой не что иное, как синтез предыдущих двух гипотез. И основная ее идея выглядит весьма неубедительно.

Во-первых, моральные нормы, обусловленные социальным фактором, ни в коей мере не исчерпывают присутствующего в человеке нравственного закона. В человеческом обществе не существует того биологического детерминизма, который находим, например, у животных и насекомых, ведущих «социальный» образ жизни (слоны, обезьяны, пчелы, муравьи и т.д.). В человеческой природе доминирует другой фактор – свобода воли, которая практически никогда не может до конца «вместиться» ни в какую социальную среду, поскольку всегда предполагает возможность нравственных деяний, выходящих за границы нормального и законного в обществе.

Существует множество примеров, когда люди самых разных цивилизаций, культур, классов и обществ имели одинаковые моральные воззрения, а люди одного общества – различную мораль. Сами муки совести возникают большей частью по мотивам личного характера. Ф.М. Достоевский в своем романе «Преступление и наказание» прекрасно

показал это. Студент Раскольников убил старую ростовщицу и ее сестру. Убил исходя из того, что «не преступление» убить «чахоточную, злую, глупую старушонку», и что «старушка вредна», и что на эти «старухины деньги, обреченные пойти в монастырь», можно сделать «сто тысяч добрых дел и начинаний».

Но к величайшему недоумению и ужасу Раскольникова, вопреки всем его самым последовательным и «разумным» доводам, оправдывающим и даже одобряющим убийство этой не более как «вши, таракана ... старушонки» (да и того она не стоит), он вдруг ощутил жестокую боль в душе. И не потому совсем, будто он считал, что совершил преступление против общества, закона и т.д., и не потому, что ему жалко стало старуху, – ничего этого не было. Он сам не понимал, откуда и почему пришла эта внутренняя страшная кара.

«Преступление и наказание» – замечательная по своей сути и яркости иллюстрация того живущего в человеке нравственного закона, действие которого переживает в себе каждый человек в различной лишь степени и из-за различных «преступлений».

Во-вторых, самоанализ, или, как говорят святые отцы, «внимание к себе», раскрывает человеку внутри сердца целый мир, где действительно «дьявол с Богом борется» (Ф. Достоевский), определяет мир правды и зла, открывает взору истинные законы жизни души. Перед этим взором все человеческие кодексы, моральные нормы, этика, правила поведения оказываются не более как слабым, подчас весьма искаженным отражением истины, скрытой в глубине сердца каждого человека. Это говорит о том, что социальная среда есть лишь фактор, вызывающий в человеке осознание присутствующего в нем нравственного закона, отчасти выражающегося затем в моральных нормах, кодексах, и т.д. То есть общественная жизнь является своего рода «демиургом» определенных нравственных норм, но не творцом самой совести – точно так же, как общественная жизнь не порождает у ребенка дара речи, а лишь является необходимым условием развития этой присущей ему способности, в то время как с обезьяной этого не происходит.

Нравственное чувство, чувство совести, добра и зла, конечно, первоначально может проявляться лишь в социальной среде, но может только потому, что оно заложено в человеке. Появившееся же и не затоптанное сознательными нечестными поступками, словами и мыслями, это чувство скоро заявляет о себе человеку как об идеале, величие которого неизмеримо превосходит все установленные и принятые обществом моральные нормы.

Совесть как наиболее очевидное проявление нравственного закона есть нечто совершенно необъяснимое данной гипотезой. Страшный преступник, потерявший не только общественное сознание, но, кажется, и

облик человеческий, вдруг начинает испытывать муки совести. И это мучение у него возникает совсем не по социальным мотивам, но от неожиданного, вопреки его сознанию возникшего видения несоответствия сделанного им с внутренней правдой, открывшейся в нем.

Какова особенность христианского взгляда на происхождение нравственного закона в человеке? Она прямо вытекает из библейской антропологии. По библейскому учению, человек является высшим из всех существ, он – образ Бога (Быт. 1: 27) в мире и призван к богоподобному бытию. Идеальная норма этого бытия дана во Христе, в Котором человеческая природа была без изменения или растворения воспринята в нераздельное и неразлучное единство с Божественной природой в Ипостаси Бога Слова, вознесена и «спосажена» одесную Бога Отца (Мк. 16: 19). Это царственное величие, к которому призван человек, не есть, однако, что-то внешнее по отношению к нему, но заложено в творении в саму природу человека, ибо «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17: 21) и раскрывается в нем «по силе жития» (преп. Исаак Сирин, VI в.). Таким образом, нравственный закон, весь «категорический императив», в этом контексте оказывается лишь одним из той полноты духовных даров, которыми изначально наделен человек.

Однако радикальное повреждение образа Божия, которое произошло в связи с отпадением человека от Бога, не дает практически возможности видеть все то духовно-нравственное величие и богоподобную красоту, которые скрыты в человеке. Постоянно и во всей силе обнаруживается противоположное – то, что Бог изрекает о предпотопном человечестве: «Не имать Дух Мой пребывать в человецех сих во век, зане суть плоть» (Быт. 6: 3 славян. Библия). Оправдание греха и возведение его в ранг нормы и закона в личной и общественной жизни (например, порнография, гомосексуализм, рок-музыка, сатанизм), опустошая и обезоруживая душу, делают ее мертвой, не способной к духовному развитию и переживаниям.

Но всегда были в человечестве те, которые оказались способными поверить в реальность Царства Божия, открывающегося в исцеленной душе человека, поверить во Христа и Христу и возлюбить Его больше души своей (Мф. 10: 39). Эти верующие святители и преподобные, мученики и праведные, юродивые Христа ради и безвестные подвижники засвидетельствовали жизнью и смертью своей, какой и Кем дан духовный и нравственный закон «внутри» души, и каким бесконечно прекрасным и совершенным делает он человека, исполняющего его.

Религиозно-опытный аргумент. В 1790 г. около французского г. Жюллек упал метеорит. Мэр составил протокол об этом событии, который подписали 300 свидетелей, и послал в Парижскую академию наук. Что сделали академики? Не только составили объемный трактат «Об абсурдности падения камней с неба», но даже приняли специальное

постановление по этому поводу. Во многих музеях выбросили метеориты из коллекций, чтобы «не сделать музей посмешищем». А Делюк, один из академиков, заявил: «Если даже такой камень упадет у меня перед ногами, и я вынужден буду признать, что я его видел, я добавлю, что поверить в это я не могу». В свою очередь, другой академик Годен добавил, что «подобные факты лучше отрицать, чем опускаться до попыток объяснить их». Почему ученые объявили войну метеоритам? Согласно поверьям невежественных людей, камни с неба посылает Господь Бог. «Раз Бога нет – значит, не может быть и камней с неба», – постановили парижские академики.

Да, нелегкое дело – заставить поверить в новые факты, не укладывающиеся в сложившуюся систему убеждений...

Если проследить историю науки, то становится ясно, что вся она – история борьбы с преклонением перед очевидностью, которая всегда выступала от имени житейского здравого смысла, который есть не что иное, как накопленный и обобщенный веками повседневный опыт людей. Казалось бы, идти против него бессмысленно, ведь он и только он – единственный критерий истины. С большим трудом люди начинают понимать, что их повседневный опыт вовсе не абсолютен, что он охватывает только некоторые поверхностные стороны событий и явлений, что житейский здравый смысл ограничен и что есть очень много неопровержимых фактов, не укладывающихся в незыблемые, казалось бы, самоочевидные истины.

Религия понимается как реальная живая связь человека с Богом, то есть, по выражению отцов Церкви, «наука из наук». Таковой она является не только в смысле ее исключительной важности для человека, но и в силу ее естественного соответствия эмпирическим наукам, которые все основываются на опыте и им проверяются. Без подтверждения опытом самая блестящая мысль остается в естествознании не более чем догадкой, гипотезой. «Вообще говоря, когда выводы науки расходятся с фактами, предпочтение отдается фактам (при условии, что факты еще и еще раз повторяются)» [21, с. 72]. Либо их просто отрицают.

Бытие Бога является фактом, проверенным огромное количество раз. Люди разных исторических эпох, с глубокой древности и до наших дней включительно, различных рас, национальностей, языков, культур, уровней образования, воспитания, часто ничего не зная друг о друге, с поразительным единодушием свидетельствуют о реальном, невыразимом, глубочайшем личном переживании Бога – именно переживании Бога, а не просто «чего-то сверхъестественного», мистического. Причем все эти свидетельства сближает одно обстоятельство, которое делает их несомненными научными фактами – это совершенно конкретные и принципиально однозначные условия опыта познания Бога.

Богосознание – это не хаос мистических экстазов и болезненных экзальтаций на почве повышенной нервозности, но, по-своему, очень точная и сложная наука. В ней есть своя последовательность, свои условия, свои критерии. Как она осуществляется? В бескорыстном поиске смысла жизни, в подвиге нравственного очищения себя и покаяния, в понуждении себя к добру ради добра. Это и есть то первое необходимое условие, без которого «эксперимент богосознания» не может быть успешным. В Евангелии оно выражено кратко и ясно: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5: 8). Для любой науки достаточно нескольких фактов, чтобы теоретическую догадку сделать общепризнанной истиной. Достаточно ученым увидеть след элементарной частицы или новую галактику (через приборы или отпечатки на фотографии), как уже никто, фактически, не сомневается в их существовании. Какие же, спрашивается, основания отвергать опыт огромного числа признанных ученых, свидетельствующих о непосредственном, а не через приборы или на фотографии, видении Бога? Ученых, которые не только делом или словом, но даже мыслью не способны были совершить обман или погнаться за славой человеческой; тех, которые творили чудеса, прозревали будущее, переносили изгнания и ссылки за слово веры и правды, которые претерпевали пытки и надругательства, проливали кровь и часто отдавали саму жизнь свою за непоколебимое исповедание Бога и Христа? Все это говорит не о голословной их вере в Бога, не о мнении, не о принятой гипотезе или простой традиции. Нет, это свидетельство глубочайшего убеждения, которое проистекало из непосредственного видения, познания самого Бога этими учеными – подвижниками науки из наук.

Где же основания для отрицания их опыта видения Бога? Может быть, Павел и Петр, Иустин Философ и Павел Препростый, Иоанн Дамаскин и Макарий Египетский, Александр Невский и Климент Римский, Сергей Радонежский и Андрей Рублев, Серафим Саровский и Игнатий Брянчанинов, Шекспир и Достоевский, Ньютон и Паскаль, Бах и Менделеев, Васнецов и Флоренский – невозможно перечислить имена только тех, о которых знает весь мир, – так, может быть, все они лишь «по традиции» верили в Бога, или были невеждами, «отсталыми», или...?

Как рассматривать этот грандиознейший в истории человечества опыт? Может быть, необходимо над ними задуматься или «подобные факты лучше отрицать, чем опускаться до попыток объяснить их».

Неужели можно отрицать Бога только потому, что повседневный опыт не дает нам Его? Но известно, что повседневный опыт вовсе не абсолютен, что он охватывает только некоторые поверхностные стороны событий и явлений, что житейский здравый смысл ограничен, что есть очень много непровержимых фактов, не укладывающихся в незыблемые, казалось бы, самоочевидные истины. Повседневный опыт вообще не дает

нам почти ничего из того, о чем говорят современные ученые, но мы верим их опытам, верим им, не зная их и не имея при этом большей частью ни малейшей возможности проверить их утверждения и выводы. Какие же есть основания не поверить неисчислимо большому количеству религиозных опытов, засвидетельствованных кристально чистыми людьми? Справедливы слова С. Булгакова: «Основное переживание религии, встреча с Богом, обладает (по крайней мере, на вершинных своих точках) такой победной силой, такой пламенной убедительностью, которая далеко позади оставляет всякую иную очевидность. Его можно позабыть или утратить, но не опровергнуть. Вся история человечества, что касается религиозного самосознания, превращается в какую-то совершенно неразрешимую загадку и нелепость, если не признать, что человечество опирается на живой религиозный опыт, т.е. если не принять, что все народы как-то видели и знали свои божества, знали о них не из одного катехизиса. У пророка Израиля мы постоянно встречаем такие слова: «И сказал мне Бог». Что это? Неужели же только галлюцинация, самообман, шарлатанство, литературный прием, или?.. А если, правда... если, правда, что написано в этих книгах: Бог говорил, а человек слушал, слышал... Бога, конечно, не физическим органом слуха, но слышал сердцем, всем существом своим, и слово Божие звучало громче, чем все громы мира, убедительнее и достовернее, чем все его разумение» [9, с. 12]. И «если бы люди веры стали рассказывать, что они видели и узнавали с последней достоверностью, то образовалась бы гора, под которой был бы погребен и скрыт от глаз холм скептического рационализма» [9, с. 14].

Г Л А В А 2

ФИЛОСОФСКАЯ ОЦЕНКА ЛЮБВИ В ДОХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД

2.1 Представление о любви в античный (языческий) период

Уже давно люди спрашивали себя, когда возникла любовь – вынес ли ее человек из животного царства или появилась позднее.

Многие считают, что любовь родилась позже своих собратьев – ненависти, зависти, дружелюбия, материнского чувства. Некоторые философы, психологи, ученые считают, что во времена античности любви не было, а был только один телесный эрос, простое половое влечение. Эрос – античности так называют они любовь того времени, и это распространенное мнение, которое многие считают аксиомой.

Гегель писал, что в искусстве античности любовь не встречается «в такой глубине и интимности чувства, как позднее». Она вообще выступает в этом искусстве как подчиненный для изображения момент или же только в аспекте чувственного наслаждения. В одах Сапфо, говорит Гегель, больше виден изнурительный жар крови, «глубокое истинное чувство субъективного настроения».

Вряд ли, конечно, верно, что в древности не было любви. О любви то и дело говорится уже в самых древних мифах Греции, а в классическую эпоху, почти двадцать пять веков назад, появились даже теории духовной любви – Сократа, Платона, Аристотеля. А греческие боги любви? В свите богини любви Афродиты было много богов – покровителей любви. Один из них олицетворял собой начало и конец любви (у Эроса была стрела, рождающая любовь, и стрела, гасящая ее), другой – плотские вожделения (Гимэрот), третий – ответную любовь (Антэрот), четвертый – страстное желание (Поф), пятый – любовные уговоры (Богиня Пейто), шестой – брак (Гименей), седьмой – роды (Илифия). И раз были боги любви и даже теории любви, то откуда же они брались, если не из любви?

В шумеро-аккадском пантеоне богов была богиня любви Иштар (Иннин) – покровительница любви и распри, вожделения и войны. Вражда и дружба, высший вид приязни и неприязни – эти несходящиеся полюса сходятся в ней. Судя по аккадскому «Эпосу о Гильгамеше», богине Иштар нужна только телесная близость, она еще не любит, а только вожделеет. Поэтому она так легко и вероломно отделяется то от своего супруга Таммуза, отправив его в преисподнюю, то от пастуха, которого она любила, – сделав его волком; то от садовника, который не захотел ее любви, – превратив его в паука.

Поэма о Гильгамеше на тысячу лет старше «Илиады», она сложена в XXIII–XXI века до нашей эры, и сейчас ей четыре тысячи лет. Исследователь эпоса И.М. Дьяконов считал, что в те времена акт размножения был священ – шумерам смутно казалось, что от него зависит не только плодородие семьи, но каким-то образом и общее плодородие страны; и вождь-правитель, олицетворявший общину перед лицом бога, гордился не только своим богатством, отвагой в бою и мудростью, но и своей мужской силой.

При древних храмах жили тогда особые жрицы любви, их почитали, а любовь обожествлялась как таинственная сила. И характер этой любви хорошо виден по истории жрицы любви Шамхат и дикого человека Энкиду, укротить которого ее послали. Вот как говорится об этом в поэме:

Раскрыла Шамхат груди, свой срам обнажила.
Увидел Энкиду – забыл, где родился!
Не смущаясь, приняла его дыханье...
Наслажденье дала ему, дело женщин, –
Ласки его были ей приятны.

Конечно, это еще простой эрос, телесный, лишенный духовности. Но уже и в те времена людям было понятно, что этот эрос – не просто животное чувство – он очеловечивает человека. Сказание о Гильгамеше, быть может первая в мире поэма, где прямо говорится об этом.

Энкиду, который жил раньше среди диких зверей, полюбив, стал совсем другим, стал человеком. И эпос говорит о том, что он стал умней, разумением глубже.

Таким же эросом, судя по дошедшим до нас преданиям, была сначала любовь и в древнем Египте. Четыре тысячелетия назад у египтян уже был культ Хатор – богини любви и веселья. В ее честь пели тогда гимны, в которых ее называют Прекрасной, Золотой, Владычицей звезд.

Но чуть позднее – около тридцати пяти веков назад – в Древнем Египте возникла любовная лирика, искусная и изощренная в своих высших взлетах. И любовь, которая в ней отразилась, не была простым эросом, – в ней были уже чувства «вечные», во многом похожие на нынешние.

Рождение любви видно и в других областях духовной культуры. В те времена (примерно три с половиной тысячи лет назад) египтяне создают знаменитый портрет – голову Нефертити. В ней запечатлелся такой высокий эстетический уровень, такая высота духа, при которой уже вполне возможна любовь.

Любовь Эхнатона и Нефертити была, пожалуй, первой известной нам из истории великой любовью. В сотнях надписей, в десятках скульптур и надгробий возглашал фараон свою любовь к Нефертити, и легенды об этой любви передавались из поколения в поколение.

В «Сказаниях о Сатни – Хемуасе» (записанных двадцать три века назад, но созданных, видимо, раньше) идет речь об индивидуальной любви: дочь фараона Ахура любит своего брата и даже под угрозой смерти не хочет выходить замуж ни за кого, кроме него. (Прежние обычаи это позволяли, фараоны иногда даже брали в жены своих дочерей.) И в знаменитой «Рамаяне» индусов, которой сейчас две с половиной тысячи лет, любовь Рамы и Ситы также духовна и индивидуальна.

Эра античности тянулась больше тысячи лет и прошла несколько разных эпох. Вслед за микенской, долитературной эпохой (II тысячелетие до н.э.) шла героическая, или аттическая, эпоха (VIII–VI вв. до н.э.), потом классическая (V–IV вв. до н.э.), затем эллинистическая (IV–I вв. до н.э.), далее в первых веках нашей эры – поздняя античность.

С ходом времени менялись люди, другими становились уклад их жизни и психология. И, наверное, нельзя выводить для всех эпох античности одинаковые правила, думать, что любовь была в них одинаковой, равной самой себе.

Любовь ранней античности вполне можно назвать ранним античным эросом. Это как бы предлюбовь, в ней еще много общеприродного, одинакового для человека и других существ. Не зря ведь Зевс становился быком, чтобы сочетаться с Европой; лебедем, чтобы любить Леду; сатиром, чтобы насытить страсть к Антиопе. Не зря ведь и Посейдон превращался в коня, чтобы сочетаться с Деметрой и с титанидой Медузой, которая родила потом крылатого коня Пегаса.

В этих фантастических превращениях, так называемых поэтических метаморфозах, прямо отпечатались взгляды древних на любовь, виден характер их эроса. Телесные (хотя уже и одухотворенные) тяготения, плотские желания – таким и был, видимо, ранний эрос античности.

В мифах часто говорится о том, что боги принимали облик других людей, чтобы под их видом явиться к возлюбленным. Так пришел к Алкмене Зевс, приняв облик ее мужа, Амфитриона, и от этой их встречи родился Геракл. То же делали и боги индийской мифологии: Индра, например, в облике мудреца Гаутамы пришел к его жене Ахалье. Все это свидетельствует о том, что богам не нужна была ответная любовь, любовь именно к ним, индивидуальное чувство. Им надо было насытить свою плотскую страсть, они и не думали о взаимности, и любовь не была тогда индивидуальной, да и не была еще любовью, хотя уже и начинала становиться ею.

Интересно, что любовь появляется во времена, когда женщина уже попадает под господство мужчины. Можно было бы подумать, что любовь возникла в истории как психологическое возмещение за женское рабство: подчинив женщину, мужчина сам попал к ней в плен. Но это внешний подход – и очень односторонний. Ясно, что рождение любви – как и

других духовных чувств – зависело не от одной причины, а от многих и было только одним звеном в цепи общего развития человека.

В греческой мифологии есть группа преданий, в которых любовь уже явно не простой эрос. В легенде о певце Орфее говорится, что он так любил Эвридику, что даже хотел вернуть ее из Тартара, а потом отказывался смотреть на других женщин и был разорван за это вакханками. В мифе об Адмете и Алкестиде – Мойры готовы сохранить умирающему Адмету жизнь, если кто-то возьмет его смерть себе, и любовь Алкестиды так велика, что она умирает вместо него.

Такую же сильную любовь питает Пенелопа, которая ждет Одиссея; Пигмалион, любовь которого оживила статую; Лаодамия, которая пожелала умереть вместе с Протеселаем; Феллида, которая повесилась от тоски, когда ее любимый, афинский царь Демофонт, вовремя не вернулся из-под Трои. И Эдванта с горя кинулась в погребальный костер мужа; и покинутая Энеем Дидона любила так, что от горя бросилась на меч; и знаменитая Геро, увидев утонувшего Леандра, в тоске бросилась в море...

Для каждой из них – вопреки Гегелю – «бесконечная важность обладать именно этим человеком» была дороже жизни, сильнее смерти.

Постепенно обезличенный эрос сменяется жаждой обладания конкретным человеком, что, может быть, и одухотворяет человека в какой-то степени, но не ведет к истине, а ввергает в пучину любовной страсти. Это хорошо видно на примере древней лирики Архилоха (VIII в. до н.э.), первого в Европе поэта любви. Бурная сила захлестывает Архилоха, страсть его мощна и лапидарна, как удар копьем, и он говорит о ней:

От страсти изнемогши весь,
Бедный, без сил я лежу, и боги мучительной болью
Суставы мне пронзают вдруг!

С такой же силой, но по-женски, ощущает любовь Сапфо (VII в. до н.э.) десятая муза, как называл ее Платон. Она пишет:

Словно ветер, с горы как дубы налетающий,
Эрос души потряс нам...
Страстью я горю и безумствую...

Любовная лирика была очень важна в жизни древних, до того важна, что среди их девяти муз была даже муза любовной поэзии – Эрато.

И уже тогда стало осознаваться раздвоение любви, ее деление на плотскую и духовную. В V в. до н.э. философы стали говорить о двух Афродитах: Афродите Пандемос (Всенародной) – божестве грубой чувственной любви и Афродите Урании (дочери Урана) – богине любви

возвышенной, утонченной. А в сократических теориях о любви говорилось как о школе мудрости, важной части добродетели, помощнице разума.

Уже тогда многие древнегреческие философы опирались на понятие любви для объяснения порядка и строения космоса, а также возникновения космоса. Это человеческое чувство и влечение переносилось греками на весь мир, принимало вид безличной силы, существующей самостоятельно.

Поэт Гесиод (VIII–VII вв. до н.э.), благодаря которому до нас дошли многие мифологические сказания, в поэме «Теогония» спрашивает у муз «Что первым возникло?» и узнает от них следующее:

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, – Эрос.
Сладкоистомный – у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.

Философ Парменит (V в. до н.э.) описал в поэме «О природе», как согласно людским мнениям устроен мир:

А в середине кругов – Богиня, которая правит Всем: от нее – начало
слияний, мучительных родов,
Это она посылает смешиться мужнее с женским,
Женское с мужним.
Первым среди богов измыслила бога Эрота.

То есть богиня любви, находясь в центре космоса, влияет на весь мир, на процессы рождения, взаимного влечения существ, связывает земной и небесный миры.

Понятием любви как безличной силы пользовались пифагореец Филолай, атомист Демокрит, софисты Георгий, Продик, Критий.

Новые ступени в психологии любви запечатлевают римские поэты I в. до н.э. Катулл, Тибулл, Проперций, Овидий, Гораций, Вергилий. Любовь достигает у них огромных высот, приобретает новые свойства. Но это была любовь опозтезированная, рафинированная. Любовь в жизни обычно ниже по своему уровню, чем в лирике. В Риме той эпохи любовь часто превращалась в сластолюбие, в изощренную игру. В «Апалах» Тацита и «Жизни двенадцати цезарей» Светония подробно рассказывается о любовных оргиях, которые достигали вакханальных высот при дворце цезарей. Императоры предавались любви публично, на глазах у народа. Они становились любовниками или любовницами мужчин, брали себе в заложницы сестер, как Калигула, и даже матерей – как Нерон.

Катулл, певец античного изобилия любви, воспевает ее неумеренную бескрайность:

Помни: только лишь день погаснет краткий,
Бесконечную ночь нам спать придется.
Дай же тысячу сто мне поцелуев,
И до тысячи вновь и снова до ста.

Эта титаническая ненасытность – особое свойство античной любви, и о нем много рассказывают нам мифы и стихи древних: именно с такой ненасытностью любили в мифах и Зевс, и Посейдон, и Аполлон, и другие боги. Среди греческих легенд о Геракле есть и легенда о его тринадцатом подвиге. Это был настоящий любовный подвиг – по приказу царя Эврисфея Геракл в одну ночь оплодотворил сорок девять дочерей Феспия. Такие подвиги совершал и Равана, страшный царь ракшасов из индийской мифологии: у него были сотни жен, и он каждый день посещал их.

Древние прославляли женское тело, слали проклятия скрывающим его одеждам. Овидий писал: «И малолетен, и наг Купидон: невинен младенец, Нет одеяний на нем – весь перед всеми открыт», – что говорит не только о телесной открытости, а именно обо всей человеческой открытости. Все в любви для них было естественным, не запретным. Овидий был прям и открыт, когда писал об интимных подробностях любви. Он язычески плотски любил свою Коринну, и его любовные элегии запечатлели эту его радость.

Конечно, не стоит думать, что такая любовь была только вихрем наслаждений. Античная лирика – и греческая, и римская – много говорит о бедах и горе, о терзаниях и тоске этой любви, которые она породила. И чаще всего любовь, которую воспевали греческие и римские лирики, была любовью к гетерам, женщинам выдающимся, исключительным. В одном из своих произведений Проперций говорит, что любой пустяк, любая мелочь, которая напоминает ему о милой, рождает в нем стихи. Он готов писать целые элегии о ее одежде, прическе, пальцах, о том, как она играет, ходит...

Если же дрема смежит ей усталые глазки,
– Сыщет поэт для стихов тысячу новых причин;
Если нагая со мной затеет борьбу за одежду,
Буду я рад сочинить целые тьмы «Илиад»;
Что б ни сказала она и что бы ни сделала, тотчас
Из пустяка у меня длинный выходит рассказ.

Но только ли одни приобретения дала людям любовь? Не потеряло ли что-нибудь человечество с этим переходом от эроса к любви?

Федра из еврипидовского «Ипполита» спрашивает кормилицу: «Ты знаешь ли, что это значит – «любить»? И та отвечает: «Да, слаще нет, дитя, и нет больней».

Для древних любовь – смесь меда и яда, и недаром их трагедия с таким страхом писала о ней. Вместе с появлением любви резко выросли не только радости жизни, но и пожалуй, еще больше – ее горести, боль, тревога.

Любовь в античной Греции

Возвращаясь к словам Гегеля, можно было бы сказать, что любовь – снятие дурной бесконечности (бессмысленного повторения) в сексуальных отношениях между разными полами. Трагедия Дон Жуана как раз в том и состояла, что не смог он, полюбив, снять дурную бесконечность своих авантюрных увлечений.

Такова наиболее известная динамика «филогенеза» концепта «любовь». Читая лирику великого А.С. Пушкина, становится очевидно, что существует онтогенез:

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! Уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

Теперь существует острейшая проблема смешения любви и секса.

«Проблема № 1», – так сегодня говорят многие западные специалисты о сексуальном сожителстве взрослых и детей. Сексуальные посягательства (на детей. – Л.А.) достигли сейчас таких эпидемических размеров, – пишет известный американский психотерапевт Г.Л. Лендрет, – что терапевту следует быть осторожным. Речь идет даже о том, можно ли врачу взять ребенка на колени, если он просит об этом.

По различным данным, в Америке и Германии от трети до четверти современных молодых женщин подвергалось в детстве сексуальному насилию со стороны родителей и старших родственников. Причем происходит это не только в маргинальной среде, но и среди вполне благополучных представителей среднего класса, который традиционно считался основой здоровой буржуазной морали.

Причины, которые приводят западные специалисты, пытаюсь объяснить столь ужасающие данные, просто смехотворны: ускорение ритма жизни, непомерное давление общества на волю индивида, обилие

информации, а также стрессовые состояния, пораженные слишком большим выбором в развитом западном обществе.

Сексуальная революция, произошедшая в Западной Европе и США в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого столетия и включавшая в себя половое воспитание школьников, способствовала уничтожению барьера между поколениями. А так как школьная программа, естественно, повлияла на отношения детей и родителей, то незаметно разрушился и инцестуальный барьер («инцест» – кровосмешение). И действительно, если рассуждать логически, почему читать, пояснять, обсуждать, смотреть вместе можно, а делать нельзя? В конце концов, кто лучше отца преподаст девочке «основы сексуальной жизни»? Родители-шестидесятники, просвещая своих детей, дальше теории не шли, ибо сами воспитывались еще достаточно традиционно. Их же дети, нынешние родители, сформировались в эпоху сексуальной революции, которую часто называют «эпохой стирания граней». За это время успело подрасти, если можно так выразиться, постсексуальное поколение. Границы дозволенного продолжают расширяться. Сейчас муссируется вопрос о депатологизации секса. Уже ведутся дискуссии о том, что педофилия – это «особая сексуальная ориентация», а вовсе не извращение и даже не отклонение (например, об этом говорилось на 31-й ежегодной конференции Общества научного изучения проблем пола).

Кстати, огромную роль в этом процессе сыграл скандально известный доктор Кинси, который заявил, что дети испытывают половое влечение уже с младенчества и только выигрывают от сексуальных контактов со взрослыми. Миф о научности идей Кинси просуществовал целых сорок лет. Теперь он опровергнут, но, как мы знаем, слово не воробей...

Лишним подтверждением тому служит распространение сексуального эбьюза, что половое воспитание школьников играет вовсе не сдерживающую, а скорее провоцирующую роль. Несмотря на то, что сегодня в западных странах очень активно просвещают детей по поводу сексуальных посягательств, количество последних постоянно увеличивается. В 1975 году в США было зарегистрировано примерно 12 тысяч случаев посягательств на детей. К 1985 году это цифра выросла до 150 тысяч. Некоторые судьи утверждают, что в 10% бракоразводных процессов фигурируют обвинения в сексуальных злоупотреблениях по отношению к детям со стороны одного их родителей.

Нельзя уповать только на продукты культуры, нужно думать о том, что «не боги горшки обжигают».

Культура создается не только великими людьми, но и мелкими, зачастую ничтожными, которых нельзя даже назвать людьми. Мелкими людьми созданы вавилонская и египетская культуры. Кровавой Семирамидой выстроены висячие сады. Ничтожества создали культуру

погребенной Помпеи. А кто создал безбожные Тир и Сидон? А кем создана культура Содома, прославившегося своим злом? А были ли великими мексиканцы, создавшие свою культуру? Культурным городом был Капернаум, но это не спасло его: «И ты Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься... говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе» (Мф. 11: 23, 24). Культура не связана с нравственностью, и нельзя по культурному уровню судить о ценности личности и народа. Просвещенная Европа внедряет диктатуру демократии «новых» брачных отношений.

Однополая любовь – извращение не только любви, но и самой жизни. Такая любовь «угрожает» самому существованию человечества, ибо бездетна, не говоря уже об ее патологии.

Древние греки грешили однополой любовью. Само слово «лесбиянство» произошло от названия одного из крупных ионийских островов – острова Лесбоса, где впервые была описана любовь женщины к женщине, и сделала это в пронзительной лирике знаменитая древнегреческая поэтесса Сапфо (VI в. до н.э.).

В связи с вышесказанным отдельное место занимает миф об андрогинах, рассказанный одним из персонажей диалога Платона «Пир». Согласно этому мифу когда-то на земле были «двойные» люди, имевшие четыре руки, четыре ноги, две «срамные части», два лица, глядевшие в разные стороны. Андрогини были трех полов: мужского – от солнца, женского – от Земли, а также «обоеполого» – от Луны, поскольку Луна совмещает оба начала.

Имея огромную силу и великие замыслы, они намеревались взойти на небо и напасть на богов. Обеспокоенные боги стали совещаться, и Зевсу пришла идея: разделить каждого андрогина пополам, чтобы уменьшить их силу и буйство.

Так люди стали «камбалоподобными», и с тех пор каждый ищет соответствующую ему половину. Однако найти именно свою половину нелегко, поэтому люди находят утешение хотя бы во временном соединении не со своей половиной подходящего пола. То есть если мужчина был раньше частью двуполого андрогина, его влечет к женщине, и соответственно женщину, отделенную от мужской половины, – к мужчине.

Женщины же, представляющие собой половину прежней женщины, к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно к этой породе. Зато мужчин, представляющих половину прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому.

Когда же двоим удастся повстречать друг в друге именно свою половину, обоих охватывает удивительное чувство привязанности, близости и любви. Они проводят вместе всю жизнь, не понимая даже, чего,

собственно, хотят друг от друга: отнюдь не только ради похоти они стремятся ревностно быть вместе.

Миф об андрогинах объясняет и оправдывает любовь как жажду целостности и стремление к ней. Но здесь все поставлено с ног на голову! Пришедшая в Грецию из Персии «любовь» между мужчинами – обыкновенное явление в кругу древнегреческого философа Платона, более того она им восхваляется как высшая форма любви и вполне соответствует его мировоззрению, согласно которому идеи – это причины вещей, существующие до вещей, идеи вещей первичны, а вещи как явления материального, предметного мира вторичны.

Но Платон предлагает нам и еще одно объяснение любви в диалоге «Пир». Он оспаривает мысль, будто любовь – это поиск своей половины. Люди стремятся в действительности не к «половинам», а к благу и бессмертию.

Люди, смертные по своей природе (как и животные), стремятся путем рождения детей сохранить себя в вечности, ради этого они и служат Эроту. Многие «беременные телом» просто рожают обычных детей. Но есть и «беременные духовно» – это творцы, изобретатели, вынашивающие разум и прочие добродетели. Они также испытывают страстное желание родить и особенно радуются, когда встречаются человека, наделенного прекрасной и даровитой душой. В соприкосновении с прекрасным рождается на свет то, что давно вынашивалось душой. «Дети», рожденные душой, в отличие от обычных детей, бессмертны.

Платон не призывает отменить «земную любовь». Она – необходимая ступенька, ведущая человека к познанию «любви небесной». В молодости человека сначала влечет к прекрасному телу, затем он замечает, что есть и другие прекрасные тела и все они в этом смысле подобны одно другому. Тогда он начинает ценить душевную красоту больше телесной, его влечет к красоте нравов и наук. Постепенно, движимый любовью, человек поднимается над отдельными разновидностями прекрасного и его взору открывается прекрасное в его чистоте, вечное, превосходящее все земное. Любовь к высшим ценностям – это и есть так называемая «платоническая любовь», причем она не отвергает «низшего эроса», а относится к нему, как к своей ступеньке.

Сам Эрот, ведущий человека в занебесье, – сын бога богатства Пороса и богини бедности Пеннии, потому он противоречив. Сын своей матери – он беден и некрасив, но, наследуя черты лица отца, он храбр и неудержимо стремится к прекрасному и совершенному. Все, что он приобретает, идет прахом, потому Эрот никогда не бывает вполне ни богат, ни беден. Будь он совершенно красив и умен, он не испытывал бы постоянного недовольства собой и не тянулся бы к красоте и мудрости. Эрот – стремление от худшего к лучшему. Так истолковывает миф об Эроте Платон.

Итак, древние греки различали несколько видов любви. Это прежде всего, конечно, Эрот, или эрос, любовь-страсть, любовь, пограничная с безумием, безумная любовь. Древние греки так и говорили: «Безумная (безрассудная) любовь». Эрос – главным образом половая любовь. Отсюда «эротикэ» – искусство любви. Но любовная страсть, как всякая страсть, редка и непродолжительна. Как все безмерное (древние греки понимали неразумное, безумное как безмерное), страсть, пожирая своего носителя, пожирает себя.

Более спокойное «филия». Существительное «филия» имеет свой глагол – «филео» – «я люблю». У этой любви большой спектр значений, чем у эроса. Такой любовью можно любить многообразное. Это, кроме того, не только любовь, но и дружба; любовь к отцу («филопатор» – «любящий своего отца»); любовь к матери («филомэтор» – «любящий свою мать»); любовь к детям («филопайс» – «детолюбивый»); любовь к братьям и сестрам («филадельфия»); любовь к своим товарищам («филетайриа»); любовь к человеку («филантропия», отсюда «филантропия») и другие виды любви, начинающиеся с «филия».

Хочется отдельно остановиться на «филадельфии» – на братской любви, в частности, на любви сестры к брату. Это тема одной из трагедий Софокл «Антигоны». Но тема «Антигоны» – не только братская, сестринская любовь. Люди живут в обществе. Поэтому их, казалось бы, сугубо личные отношения имеют социальную сторону, они не безразличны для общества. В трагедии «Антигона» тема самоотверженной любви к брату органически связана темой «человек – общество – государство» с темой двух правд: личностной и государственной, с вопросом о том, кто для кого существует: государство для человека или человек для государства, с вопросом о пределах государственной власти и неотъемлемых нравах человека, с вопросом о соотношении человека и гражданина. Означает ли гражданственность истребление в себе всех человеческих чувств и симпатий, если они противоречат интересам государства?

В древнегреческом городе-государстве Фивы должны были править поочередно два брата Этиокл и Полиник, причем в период правления одного из братьев другой должен был находиться в изгнании. Этиокл нарушил договор и отказался уступить брату престол. Тогда Полиник уговорил аргосского царя, на дочери которого он женился, находясь в изгнании, пойти в поход на Фивы.

Таким образом, Полиник поставил свою дерзкую гордыню выше любви к своему отечеству. Ведь падение Фив, взятие полиса аргосской армией означало, что часть граждан перебьют, а оставшихся в живых продадут в рабство. Город же разрушат. Так и случилось позднее, когда Фивы были взяты сыновьями пошедших с Полиником шести аргосских вождей. Но пока что Фивы устояли и почти все аргосские вожди погибли.

Погиб и Полиник в единоборстве со своим братом Этеоклом, также погибшим. Так кончился злосчастный род, на котором лежало проклятие, павшее на деда Полиника и Этиокла Лая и на его потомство. Кроме того, Этеокл и Полиник были прокляты своим отцом Эдипом, сыном Лая.

Лай – потомок легендарного основателя Фив, выходца из Финикии Кадма, фиванский царь совершил преступление, надругавшись над юношей редкой красоты Хрисиппом, после чего тот покончил с собой. За это Гера, хранительница нравственной чистоты, определила Лаю наказание – его убьет собственный сын. Лай попытался тут же избавиться от своего новорожденного сына, но тот выжил, вырос, возмужал и, не зная, что это его отец, убил своего отца и оказался мужем своей матери, не зная, что это его мать. Эдип стал царем Фив. Этеокл и Полиник – сыновья, а Йемена и Антигона – дочери Эдипа и его матери Иокасты... Когда все это раскрывается, Иокаста кончает самоубийством, Эдип ослепляет себя и бежит. Власть в городе переходит к брату Иокасты Креонту. Эта часть древнего фиванского эпического цикла была художественно обработана в трагедии Софокла «Царь Эдип».

Сам поход Полиника против Фив изображен Эсхилом (525–456 гг. до н.э.) в трагедии «Семеро против Фив». У Эсхила была художественная обработка всего фиванского цикла, но трагедии «Лай» и «Эдип» не сохранились. В «Антигоне» Софокла мы видим изображение событий, происшедших после поражения агрессора и гибели братьев Антигоны.

Правитель Фив Креонт, дядя Антигоны по матери, приказывает похоронить с почестями только Этеокла – защитника города, тело же врага отечества Полиника оставить без погребения.

Никто не волен ни земле предать изменника,
Ни похоронным плачем его почтить;
Непогребенный отдан Он на съеденье
И алчным псам и хищникам Небес.

Нарушитель будет казнен. Однако Антигона не может согласиться с этим распоряжением. Ей невыносима мысль, что тело ее брата осталось без погребения, что его терзают звери и птицы. Антигона совершает обряд погребения одна, так как ее робкая сестра отказалась ей помочь. Стража схватила ее и привела к Креонту. Узнав в нарушителе свою племянницу, Креонт смущен, однако гражданское побеждает в нем личное, и Антигону замуровывают в гробницу, где она должна умереть медленной смертью... Народ и сын осуждают Креонта, но он непреклонен. Только вмешательство прорицателя Тиресия, который угрожает Креонту гневом богов и гибелью его близких, заставляет Креонта одуматься. Однако уже поздно, Антигона повесилась. Над ее трупом закалывается Гемон – сын Креонта. Узнав о смерти сына супруга Креонта Эвридика тоже кончает

жизнь самоубийством. Креонт нравственно сломлен. А ведь он хотел добра своему родному городу!

Так столкнулись две правды: правда Креонта и правда Антигоны, правда государственная и правд человеческая, правда в данном случае семейная. Эта проблема двух правд в связи с «Антигоной» породила громадную полемику, которая продолжается уже двадцать пять веков.

Много в природе дивных сил, но сильнее человека нет. Человек – отважный мореплаватель, усердный землепашец. Он подчинил своей власти и рыб, и птиц, и зверей. Человек защитился от дождя кровлей, от стужи – огнем. Человек создал внутри себя мысль и речь, а вокруг себя – общество. Он якобы победил даже болезни. Только смерть он не мог победить. Так восхваляется Софоклом человек. И обычно только на это обращают внимание.

Но ведь Софокл дальше говорит, что человек человеку рознь: одни идут по пути правды, а другие – по пути Кривды. Так что силы и способности человека могут быть направлены и на добро, и на зло. Но далее говорится, что как ни силен человек, сильнее человека бог (Зевс). А это должно означать, что законы, созданные человеком, не имеют силы перед идущими из глубины веков обычаями, в основе которых лежат написанные незыблемые законы самих богов. Так столкнулись новое, писаное право, законы, созданные людьми, и старое, неписаное право. Первое право представляет Креонт, второе – Антигона. В служении «закону богов» опора нравственной силы Антигоны Софокл завещает нам: знай меру, следи за тем, чтобы борьба с одним злом не приносила другого зла. Не позволяй гордыне овладеть собой!

Среди видов «филии» особо стоит выделить любовь к мифам («филомютос» – «любящий сказания, мифы»). Древнегреческая мифология богата образами, сюжетами, легендами, из нее черпали свои темы многие древнегреческие трагики, поэты, писатели-прозаики, художники, скульпторы. В мифологии люди, не зная законов природы, подлинных причинно-следственных отношений в мире, объясняли явления природы поверхностно, связывая их ассоциативно, по аналогии со своими отношениями и свойствами. Совершалась великая метаморфоза – перенос на природу человеческих свойств и отношений, поскольку самой природе это человеческое чуждо, то переносимое на природу человеческое накапливалось над природой, образуя сверхприродный, сверхъестественный мир олицетворяющих те или иные природные, а также и некоторые явления сверхъестественных существ, богов, демонов и т.д. И даже если эти существа не похожи на людей, зооморфны или чудовищны, они все равно думают, говорят и действуют, как люди, руководствуются человеческими мотивами. Была мифологизирована и обожествлена и любовь.

Среди видов «филии» была и любовь к познанию. Это «филоматейя» – «любовь к знанию, любознательность» («матэма», «знание, учение, наука»,

отсюда математика), «филология» – «любовь к ученым беседам, занятиям», отсюда филология (однако «логос» означал не всякое слово, а только ученое, разумное, отсюда и иной смысл термина «филология, чем это принято теперь), «филопеустиа» – «пытливость, любопытство» и, наконец, «философия» – «любовь к познанию, любознательность; исследование, учение, наука; любовь к мудрости, философия; философское учение».

Понятием «филия» пользовался и Эмпедокл (IV в. до н.э.). Согласно Эмпедоклу, все, что ни есть в космосе, состоит из четырех вечных и неизменных элементов, стихий, «корней вещей»: земли, воды, воздуха и огня, сочетающихся между собой в разных пропорциях, отчего и происходит все разнообразие. Но эти «корни вещей» в представлении Эмпедокла пассивны. Поэтому он дополнил их двумя противоположными враждующими силами. Эти космические вселенские силы – Вражда (Нейкос) и Дружба, Любовь (Филиа). В своей космогонической философской поэме Эмпедокл говорит: «То любовью соединяется все воедино, то, напротив, враждою ненависти все несется в разные стороны» – и «эта постоянная смена никогда не прекращается». Эту космическую любовь Эмпедокл, используя мифологический образ, называет также Гармонией и Афродитой. Однако она не дана чувственному созерцанию, она лишь умозрительна.

Все это говорит о том, что уже в древние времена отношение к любви было не простое, человек искал ее и интуитивно, понимал, что «ведь тому, чем надлежит всегда руководствоваться людям, желающим прожить свою жизнь безупречно, никакая родня, никакие почести, никакое богатство, да и вообще ничто на свете не научит их лучше, чем любовь»¹.

Античные проблемы трудно назвать легкоразрешимыми, и это, несмотря на большое количество персоналий, которые служили частным проявлениям эроса: телесные тяготения, плотские желания, вожделения и просто – извращения.

В этих персоналиях ни в идеальном плане, ни в профессиональном нет и намек на Творца, предупредившего и запретившего только одно – вкушение! По земным меркам Его терпение было не очень длительным. Он нашел способ, которым перечислил всю греховную практику падшего человека. Устами ап. Павла вновь дается анализ, предупреждение и путь к спасению: Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть такая сила Божия ко спасению всякому верующему...

Ибо открывается гнев Божий с неба как всякое нечестие и неправду человек, подавляющих истину неправдою.

¹ Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – С. 104

Ибо что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны.

Но как они, познав Бога, не прославили его, как Бога, и не возблагодарили, но суетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, – то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они осквернили сами свои тела.

Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь.

Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобны и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины, на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение.

И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, непримиримы, немилостивы.

Они знают суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, ко и делающих одобряют (Рим. 1: 16–32).

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЮБВИ

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Иоан. 13: 34).

Любовь, с точки зрения нравственной философии, есть сложное явление, простые элементы которого суть: 1) жалость, преобладающая в любви родительской, 2) благоговение, преобладающее в любви сыновней и вытекающей из нее религиозности, и 3) исключительно присущее человеку чувство стыда, которое в соединении с двумя первыми элементами – жалостью и благоговением – образует человеческую форму половой или супружеской любви.

В истории религии любовь дважды получала главенствующее значение: как дикая стихийная сила полового влечения – в языческом фаллизме (еще сохраняющемся кое-где виде организованных религиозных общин, каковы, например, индийские шактисты с их священно-порнографическими писаниями, тантрами), и затем, в противоположность этому, как идеальное начало духовного и общественного единения в христианской любви, понятие и свойства,

которые выдержали испытание временем, дали плеяду великих людей, прошедших этот путь воспитания любви, результатом которого и было открытие механизма и закономерностей ее развития в собственной душе. А результат этого открытия и познания мощным потоком доброты, заботы, помощи и жертвенности изливался и изливается не на единицы и десятки, а на сотни и тысячи людей, обращавшихся и обращающихся к ним за духовной помощью. И люди эти те, кого Церковь причисляет к лику Святых: пр. Серафим Саровский, пр. Сергей Радонежский, Оптинские старцы, пр. Ефросиния Полоцкая, царь Николай II и его семья, И. Бранчанинов, пр. Серафим Вырицкий – один из крупнейших богатых людей дореволюционной России и многие другие, которые деятельной любовью помогали восстать из праха многим душам, ищущим смысл жизни и любовь Божию.

Уже в пророческих книгах Ветхого Завета отношение между Богом и избранной народностью изображается преимущественно как союз супружеский (и отступление народа от своего Бога – не иначе как Блуд). В Новом Завете эта идея переносится на Христа и Церковь, и завершение истории изображается как брак «Агнца» с Его невестой – просветленной и торжествующей церковью Нового Иерусалима, соответственно чему и земные представители Христа, епископы, ставятся в такое же отношение к местным общинам. Таким образом, идеальное начало общественных отношений, по христианству, есть не власть, а любовь.

Христианин за симфонией мира ощущает именно живую любовь, любящую Личность. Не просто закон, не просто Разум, не просто гравитацию «или «космическое электричество», но Личную и любящую Волю. Он (христианин) не просто переживает причастие мира Горнему началу, но он еще знает, как Имя этого Начала, знает, Кому можно вымолвить свою благодарность за этот вечер и за будущий рассвет.

Любить означает вобрать в себя, как свои, радости и беды любимого. Подлинная любовь стремится отождествить себя с любимым человеком. Здесь поистине «двое в одну плоть да будут» (Быт. 2: 24). Высшая формула любви определяет: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15: 13).

Такой любви к людям не открывает ни один богословский образ во внеевангельском мире. И мы спрашиваем Бога Евангелия: «Как Ты любишь людей?». И он отвечает: «До Моей смерти...»

Его любовь не только создала мир. Его любовь не только подарила людям свободу. Его любовь не только даровала нам пророков и мудрость. Его любовь не только приняла человеческий лик. Он не казался, Он стал человеком. «Всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя» (Ф. Тютчев). И его любовь к нам пошла до копна, до предельной точки, до полной отдачи Себя, до полного отказа от Себя,

до жертвы и смерти: «Как будто вышел человек, и вынес, и открыл ковчег, и все до нитки роздал» (Б. Пастернак).

Этот Бог есть Любовь. Он не просто любит, Он есть Любовь. Он не просто имеет любовь, не просто проявляется в любви: Он есть Любовь.

Любовь не устареет. Время, согласно Новому Завету, прекратится (Откр. 10: 6); любовь же останется даже после исчезновения времени. Любовь переживет даже надежду – ибо надежда мыслима только при чередовании настоящего и будущего. И, значит, течение времени не властно над Евангелием любви. И это потому, что не люди заключили этот завет, не люди нашли Христа, а Бог нашел людей, и Бог создал этот завет с нами. Созданное людьми может устареть. Основанное даже не на учении, а на самой жизни, смерти и воскресении Господа – устареть не может.

Человек может дышать Богом – и тогда он становится бессмертным. Но если он замкнут в себе самом и в мире невечных творений – он умирает. Пылинка, обладающая самосознанием, бесконечно достойнее громадной галактики, не сознающей себя и своего пути.

В чем же сила и жизнеспособность такой любви? На наш взгляд, в том, что открытие и воспитание этой любви христиане проходят по Книге, где дано четкое, простое и ясное определение любви Богочеловеком и которое в основе своей, как определение предмета познания и развития, не менялось, а лишь обогащалось и укреплялось в своей первооснове опытом их личной жизни и личного служения людям, так как всякие попытки преобразовать это определение, скатывались к фарисейству, закапчивались и продолжают заканчиваться полным провалом (марксизм ленинизм, идеализм, фрейдизм, экуменизм, прочие акмеологии).

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» [1 Кор. 13: 4–9, 13].

На первом месте стоит долготерпение – *«любовь долготерпит»* [1 Кор. 13: 4]. Долготерпение есть свойство Божественной любви, а значит и человеческой, поскольку проявляется и в человеческих отношениях: ему нельзя поставить пределов. Долготерпение в своей обычной нравственной практике рождает снисходительность к недостаткам других людей. И это тоже дело любви, ее практика. В житии мученицы Перпетуи, которая сама в мрачном, темном подземелье писала предсмертные записки о своих мучениях, читаем ее слова: «Темница стала для меня раем». Любовь к Богу делает нашу жизнь, какой бы она ни была, радостной и светлой. Чего нельзя сказать о людях, живущих в райских условиях на земле, но не

имеющих Бога в душе. Например, Байрон, уже при жизни стяжавший славу величайшего поэта, одаренный всеми земными благами: богатством, красотой, известностью – умирая, сказал, что ни припомнит ни одного дня своей жизни, в течение которого он был бы полностью счастлив.

Это так созвучно со страданиями известного русского критика и поэта Н.А. Добролюбова, не стяжавшего при жизни желаемого:

Пускай умру – печали мало,
Одно страшит мой ум больной:
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.

Боюсь, чтоб над холодным трупом
Не пролилось горячих слёз,
Чтоб кто-нибудь в усердии глупом
На гроб цветов мне не принёс,

Чтоб бескорыстною толпою
За ним не шли мои друзья,
Чтоб под могильною землёю
Не стал любви предметом я,

Чтоб всё, чего желал так жадно
И так напрасно я живой,
Не улыбнулось мне отрадно
Над гробовой моей доской.

Н.А. Добролюбов

Следующее – любовь *«милосердствует»*. Милосердствует, значит, как минимум, в условиях человеческой жизни резко превышает закон справедливости, который, кажется, должен бы применяться для пресечения зла, действующего в мире. Справедливость требует если не возмездия за обиду, то, по крайней мере, остановки обидчика, готового обижать вновь любую личность и общество. Но любовь, милосердствующая и сострадающая, осознает, что всегда обидчик приносит больше вреда и обиды себе, чем обижаемым им, обычно, не сознавая этого. «Несчастный был еще жив. Страдальческое лицо глядело вниз, будто он хотел в последний раз посмотреть на своего губителя, который его предал, отнял жену, детей, подослал к нему убийцу, а когда это все было во имя Христа прощено, еще раз предал его в руки палачей. Никогда человек не причинял другому столько зла, да еще с такой жестокостью и злобой. И вот жертва горела теперь на промасленном столбе, а палач стоял у ее ног. ... Жил и опять видел эти вперившиеся в него зрачки. Он распрямился, хотел бежать, но не смог. Ему вдруг почудилось, что ноги у него свинцовые и что какая-то невидимая рука

с неодолимой силой удерживает его у этого столба. И он оцепенел. Только чувствовал, что что-то переполняет душу его, что-то рвется на волю, он сыт по горло этими муками и кровью, видно, пришел конец его жизни, и вот все вокруг исчезло – и император, и свита, и толпа; бездонная, страшная, непроглядная пустота вдруг объяла его со всех сторон, и горят в ней лишь эти очи мученика, зовущего его на суд. А тот, все ниже опуская голову, смотрел и смотрел. Окружающие догадались, что меж двумя этими людьми что-то происходит, но смех замер на устах – в лице Хилона было что-то пугающее, оно было искажено такой тревогой и болью, таким страданием, как будто огненные языки жгли его собственное тело. Внезапно он зашатался и, простирая руки, вскричал страшным, режущим слух голосом: «Главк! Во имя Христа! Прости!». Воцарилась тишина, дрожь пробежала по телам всех, и взоры невольно обратились вверх. А голова мученика невольно качнулась, и оттуда, с верхушки столба, послышался голос, похожий на стон: «Прощаю!». Взыв, как дикий зверь, Хилог бросился ничком наземь, зачерпнув обеими руками пыль, посыпал себе голову...».

«Любовь не завидует». Зависть есть особый тип отрицательного отношения к другой личности, который начинается с двойного восприятия своих способностей и способностей других людей и имеющихся от жизни результатов своих и других людей. Зависть, по причине кажущейся ей несправедливости, отделяет другого от себя и проникается к нему недобрыми чувствами. Зависть не любит. «Не нужно, совершенно не нужно было нам с Юлей это наследство, и мы отдали его, но что-то подлое и противное шевельнулось у меня в душе: “Возьмет дядя Андрей золото и не отдаст. Уезжаем”. Прошло два года, и получила я от него посылку, лежали в ней домотканые коврики и березовый туесок, наполненный засохшими баранками. Разломил я их, и выпало наследство бабки Ляксандры. Если бы я могла рассказать, как я плакала от стыда, от сознания своей мерзопакостности. ...Дядя Андрей и Вера были куда лучше многих из нас, верующих и постоянно говорящих о заповедях Господних...».

«Любовь не превозносятся». Для превозношения могут явиться какие-либо фактические основания: знания, красота, материальный достаток, способности и проч. Но здесь так же, как и в зависти, вместо единения происходит отделение от себя иных людей, а кроме того, и уничижение, унижение этих других людей, а часто и презрение. Для любви же свойственно скорее возвышать над собой предмет своей любви, порою сверх меры. Но любовь, верно направляемая, по природе своей безмерна, превозношение же всегда узко, будучи ограничено пределами собственной личности, как бы мечтательно высоко не ставил себя превозносящийся. Приехала к старцу (о. Амвросию) почетная женщина, о которой сочли нужным немедленно доложить ему. «У меня все равны, – сказал преподобный, – мышка и маленькая, да пойдя, поймай ее».

«Не гордится». Гордость вполне может питаться сама собой. Она знает себе цену, цену высокую, и она в состоянии обойтись без других людей. Любовь не может обойтись, потому что ей необходимо изливаться на другого. Любовь взирает на другую личность, находя в ней самое дорогое для себя. Для гордости другая личность не более чем повод для его собственных переживаний. Любящий, чем более любит, тем более занят предметом своей любви. Ему нечем гордиться, потому что его главные ценности сосредоточены в этом предмете. Примером такой любви могут служить жития святых, которые творили чудеса, исцеляли больных, вытаскивали заблудших и всегда осознавали, что делают это силой Божию, а не своей.

«Не бесчинствует». Любовь соединяет и соединяет конструктивно, гармонично, а ненависть разделяет, разъединяет, приводит к бесчинству.

«Не ищет своего». Искать своего – значит стремиться, чтобы все события совершались желательным для человека образом, не заботясь о желаниях и потребностях других людей. Любовь ищет выполнения воли любимого, и в самом этом выполнении видит свидетельство любви. Любой внимательный человек согласится, что настоящая любовь проявляется не «словом или языком, но делом и истиною». Дело это – искание добра предмету своей любви, что часто приводит к противоречию со своими интересами, «с исканием своего», т.е. любовь не просто «не ищет своего», но и жертвует своим. И чем меньше любовь, тем с большей болью или, по крайней мере, неохотой, это может быть сопряжено, особенно, если очень уж любишь себя. Любовь к себе ищет «своего». Любовь к ближнему не ищет своего.

«Не раздражается». Кажется, это очевидно в применении к предмету любви. Но любовь вообще не раздражается, никогда. Наступление раздражения говорит об отсутствии любви в целом. И это станет понятно, если рассмотреть природу любви в связи с природой раздражения. Раздражение есть следствие и признак неудовлетворенности некоторых желаний, вообще, недовольства, в частности, недовольства людьми. Любовь же есть максимальное достижение высшего желания и если прежде какие-то желания имелись, они гаснут в свете этого главного достижения. И поскольку никакие желания не тревожат человека, достигшего главного, он приобретает тем самым спокойствие. Но это – не спокойствие равнодушного безразличия к обстоятельствам и к людям, которое на самом деле является одной из противоположностей любви. Это блаженство довольства от приятия всех обстоятельств и всех людей, которые появляются в жизни человека независимо от его желаний (на работе, среди соседей, в транспорте и т.д.). Любовь соглашается со всеми обстоятельствами, потому что чувствует их полезность. Любовь, действующая в сердце, несет мир, а потому не раздражается. «Грудной ребенок много плакал. Однажды раздраженная мать воскликнула: “Как ты мне надоел, все орешь. Замолчи! Из окна тебя выброшу, негодника”».

...Когда она после этого пришла в комнату, младенца не было. “Где... ?” А его маленький брат (трех-четырёх лет) сказал: “Мама, он все плакал, а ты сказала, что выбросишь его из окна, если он не перестанет плакать. Я его выбросил”. Вот результат сложения раздраженности матери и любви к ней трех-четырёхлетнего младенца».

«Не мыслит зла». Не только не делает зла, но и не мыслит зла. Причем зло собственное не мыслится не только по отношению к предмету любви, но и по отношению к другому лицу и по отношению к чему бы то ни было. Любовь – сама жизнь, а зло – к смерти, и потому любовь не мыслит зла, как бытия, противного любви.

А. Блок представил нам горькое сплетение человеческого понимания любви:

В глубоких сумерках собора
Прочитан мною свиток твой:
Твой голос – только стон из хора,
Стон протяженный и глухой.

И испытать тебя мне надо:
Их много, ищущих меня,
Неповторяемого взгляда,
Неугасимого огня.

И вот тебе ответный свиток
На том же месте, на стене,
За то, что много страстных пыток
Узнал ты на пути ко мне.

Кто я, ты долго не узнаешь
Ночами глаз ты не сомкнешь,
Ты, может быть, как воск, истаешь,
Ты смертью, может быть, умрешь.

Твои стенанья и мученья,
Твоя тоска – что мне до них?
Ты – только смутное виденье
Миров далеких и глухих.

Смотри, ты многого ль достоин?
Смотри, как жалок ты и слаб,
Трусливый и безвестный воин,
Ленивый и лукавый раб!
И если отдаленным эхом
Ко мне дойдет твой вздох «люблю»,
Я громовым холодным смехом
Тебя, как плетью, опалю!

«Не радуется неправде, а сорадуется истине». Любовь любит не только личности, но и правду Божию, нравственную и умственную, видя в них любовь Божественную. И потому любовь, встречаясь с неправдой, видит в ней беспорядки, нарушения заповеданной Богом любви и отклонение от любви Божественной, а потому печалится, а не радуется. Сорадование же истине не пассивно, оно само ищет волю Божию и стремится ее исполнить в людях и явлениях.

«Все покрывает». Покров любви есть, прежде всего, покров сострадательный, соскорбящий. Любовь, когда видит какую-нибудь скорбь, находящую на человека, особенно же на преимущественный предмет любви, делает все, чтобы он избежал этой скорби, или хотя бы сила ее была уменьшена, даже если при этом страдание и беду придется взять на себя. Когда же этого сделать невозможно по объективным причинам, сострадающая любовь своим сочувствием делает все, чтобы само переживание скорби было не столь сильным. Недаром же говорится, что сочувствие в скорби делает ее уменьшенной вдвое. Но любовь, в частности, покрывает и человека, находящегося в нравственной беде, падшего. Ненавидя причину его падения, любовь жалеет человека, не только не нанося ему новых ран и язв своими упреками, особенно когда он слишком остро чувствует свое падение, доходя до уныния, но своим сочувствием как бы даже и частично снимает эту вину. В патерике рассказывается, что один монах, падший в тяжкий грех и гонимый своими братьями, вбежал в келью к некоему великому старцу, ища у него спасения. И тогда старец спрятал его в пустую бочку, а сам сел на крышку; вбежавшим же он сказал: *«Ищите».*

«Все́му верит». Все́му верит, конечно, не в том смысле, что с доверием воспринимает всякие рассказы и небылицы, что было бы странным для нравственной высоты любви. Прежде всего, доверие относится к предметам любви. Для нелюбви, самой по себе нередко лживой, свойственно не доверять все́му и все́м, на кого эта любовь распространяется. Для любви, сорадующейся истине, в истине пребывающей, с уверенностью, что и в предмете своем неуместна ложь, естественно верить.

«Все́го надеется». Эта всеобщность надежды связана с всеобщностью веры, и, прежде всего, по отношению к любимым личностям. Любовь ожидает от объектов любви всего лучшего: лучших отношений, лучших призывов, лучших плодов. И это ожидание лучшего и олицетворяется в надежде, которая не прекращается и тогда, когда оказывается отчасти обманутой. Ведь любовь выше эмпирических подробностей. Эта надежда любви потому и не постыжается по своей сути, что она, во-первых, всеобща, т.е. всегда есть место утешению, и во-вторых, великодушна. *«Через несколько лет после окончания института Юля вышла замуж. Замужество ее многих удивило, расстроило... Вышла она*

замуж за молчаливого, хмурого человека, совершенно не верующего. Ухаживал он за Юлей около двух лет, упорно, настойчиво.

...Бывало, придешь к ней, а Игорь сидит насупленный, неразговорчивый... Я говорила: “Юля гони его, он чужой, не наш”. “Да что ты, он хороший”, – отвечала она. За Юлей ухаживало много молодых людей верующих, родных по духу, но почему-то безрезультатно. В конце второго года ухаживания Юля согласилась выйти замуж, но поставила условие – венчание... Во время венчания меня поразило Юлино лицо, оно было залито слезами и в то же время было каким-то особенно светлым, полным раздумий... Трудно сказать, что она сделала, но через год ее муж неузнаваемо изменился: суровость и замкнутость исчезли и Игорь превратился в добрейшего и общительного человека, деятельного помощника во всех ее делах...».

«Все переносит». Здесь речь идет, прежде всего, о перенесении трудностей, невзгод и скорбей, потому что радости и переносить не надо. Но любовь переносит невзгоды не только в чаянии, в надежде на их скорое избытие и возвращение радостей. Просто любовь значительней и выше всяких невзгод, и их тяготящая сила слабее воспаряющей силы любви. Не они уничтожают любовь, но любовь возвышает их, облагораживая и сами невзгоды, и их перенесение, потому что в любви содержится высокое благородство: любовь рождается Богом. Любовь даже с радостью переносит невзгоды ради предмета любви.

Отец Владимир Амбарцумов (прославлен Юбилейным Собором 2000 г. как священник) стал православным священником, обратившись из протестантов, уже после смерти своей жены. Его как-то спросили, сильно ли он любил ее, и он ответил: «В самом начале да, я очень сильно ее любил, а потом случилось так, что я не знал, где кончается она и где начинаюсь я...».

Один человек пришел в храм к отцу Владимиру и стал рассказывать, что стал по-настоящему верующим, когда случайно явился свидетелем похорон молодой христианки, за гробом которой шел ее муж, и все окружающие были с сияющими глубокими торжественными лицами и в светлых одеждах. «Это хоронили мою жену...», – сказал отец Владимир.

Важнейшей особенностью христианского понимания любви является требование «любить ближнего». А понятие «ближнего» Иисус распространяет на всех людей независимо от их принадлежности к тому или иному народу. На прощальной беседе («тайной вечере») Иисус не раз упоминает, как бы давая завещание перед разлукой, о долге братской любви: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга; По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Иоан. 13: 34–35), которая вмещает много понятий и нам необходимо всегда уточнять это слово добавлением эпитетов к нему: семейная, родственная любовь,

любовь брачная (супругов), любовь друзей, и, наконец, совсем особая любовь Христова.

Христова любовь имеет много оттенков. И у Христа было различное отношение к людям: был ближайший к Нему апостол любви Иоанн, «которого любил Иисус», и который «возлежал у груди Иисуса» (Иоан. 13: 23), были затем два других наиболее близких ученика Петр и Иаков, затем были еще 9 близких апостолов и, наконец, еще 70 апостолов (Лк. 10: 1). Конечно, Он имел к ним иные чувства, чем к тем гордым лицемерным фарисеям, на которых Он смотрел «с гневом» (Мк. 3: 5).

Любовь к ближнему, то есть к каждому человеку, является необходимым условием любви к Богу, ступенью к Нему. «...Ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Иоан. 4: 20). Апостол Павел горячо убеждает римлян: «...любящий другого исполнил закон», ибо все Христовы заповеди «заключаются в сем слове: «люби ближнего твоего, как самого себя» (Рим. 13: 8–10), потому что любовь не делает ближнему (в смысле, другому человеку) зла и она есть исполнение закона.

Но и различие чувств к окружающим законно, но главным остается одно в отношении друг к другу – принимай человека таким, каков он есть и не суди, а если можешь – помоги, не взирая на лица.

Другой важной особенностью любви по Евангелию является любовь к врагам – «любите врагов ваших» (Мф. 5). Если это враги «проклинающие нас», то нам велено их «благословить», что человек всегда в силах сделать своими устами. Если эти враги «ненавидят нас», то велено их «благотворить». И это тоже в возможностях человека на зло платить добром. Если эти враги «обижают» и «гонят» нас, то велено нам «молиться за них» (Мф. 5: 44). И это тоже возможно человеку – пусть с принуждением, хотя бы только в мыслях. Об этом же говорит и указание ап. Павла: «Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его» (Рим. 12: 20). Хочется особо подчеркнуть, что изменить внутри себя какое-то чувство человеку сразу крайне сложно, но проявить к любому человеку внешние признаки чувства, в том числе и милосердия, вполне возможно. И это не будет лицемерием, а преодолением себя ради любви к ближнему во Имя Бога.

Многим не хватает библейского отношения к ближнему, но не многие способны это отрефлексировать. Насколько это важно и возможно показал В.А. Моляко:

ПРОШУ У ВАС У ВСЕХ ПРОЩЕНИЯ

За все, чем я обидел вас,
За грубость, резкость слов,
За ложь, за выпады презрения,
За беспокойство ваших снов,

За невнимание, небрежности,
За вспышки гнева или зла,
За то, что не хватало нежности,
в прикосновении – тепла,
за... Не достанет исчисления –
мои грехи перечислять.
Но я прошу у вас прощения,
и сам учусь другим прощать...
Жить тяжело в мире непрощенному,
а уходить – еще страшней
в земное без конца влюбленному;
я понимаю все сильней.
Гордыню сбросив без сомнения,
на паперть каждый день спешу.
– Стою, как нищий, и прощения,
у вас прощения прошу.

В.А. Моляко

Гордыня человеческая (самый, кстати, тяжкий грех в христианстве) и детское упоение культом силы, физического могущества не позволили человечеству в целом правильно понять и оценить новый идеал и новый путь, предложенный ему христианством – путь всеобъемлющей и всепоглощающей творческой любви. Да и легко ли даже благородному защитнику добра понять: не противиться злу! Это что же, отдать все на откуп злу? Допустить его беспредельное господство? А как же добру защитить себя? Или вообще отказаться от себя? Абсурд какой-то... с точки зрения обыденного сознания.

Но абсурдности боится только примитивная логика да ум обывателя, а жизнь, культура, искусство, религия, наконец, не только хорошо уживаются с нелогичностью, абсурдностью, чудом, но и часто основываются на них. Тертулиановское *Credo quia absurdum* не только демонстративный вызов голому рассудку, но и незабываемый фундамент веры – важнейшего принципа бытия человеческого.

Не противиться злему! В христианстве это отнюдь не призыв к полной пассивности и бездействию. Не противься злу физически, силой, призывает Христос в Новом Завете, – ибо таким способом ты только удваиваешь зло и ко злу добавляешь новое зло, то есть еще уменьшаешь добро. Единственный эффективный способ борьбы со злом – преодоление его добром, увеличение, наращивание добра, что само собой приведет к исчезновению зла, ибо везде будет одно добро. А активная и действенная сила в этой борьбе – любовь! И авторы Нового Завета, и их последователи, отцы Церкви, осознав это, направили все свои усилия на развитие этой

силы в масштабе человечества; взяли на себя непосильную задачу, решая ее не только на идеальном уровне.

Сам Бог подал людям пример бесконечной и спасительной любви, и Новый Завет, а за ним и христианские мыслители на протяжении всей истории христианства неустанно призывают людей к подражанию Божественной любви. «Итак подражайте Богу, как чада возлюбленные, И живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное» (Еф. 5: 1–2).

Проповедями и личным примером евангельский Иисус в течение всей своей земной жизни внедрял в человеческие сердца идею и чувство любви к ближнему. И вот на последней прощальной беседе с учениками («тайной вечере») Он дает им новую, более высокую заповедь любви, призывая сделать ее основой человеческих взаимоотношений после Его ухода. Подчеркивая ее значимость, Иисус трижды повторяет ее в течение беседы. «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Иоан. 13: 34); «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Иоан. 15: 12); «Сие заповедаю вам, да любите друг друга» (Иоан. 15: 17).

Любовь людей друг к другу способна вывести их из рабского, униженного состояния, в которое ввергли их ненависть и вражда, сделать друзьями не только между собой, но и Самого Бога. Так высоко человеческая мысль никогда еще не ставила ни человека, ни его, пожалуй, самое сложное и противоречивое чувство – любовь. Всепрощающая любовь к ближнему только и делает человека равным Богу. Все человеческие благие намерения и деяния, все человеческое знание, даже пророческий дар, данный человеку Богом, и сама вера – ничто перед любовью. Об этом ярко и образно писал коринфянам апостол Павел: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13: 1–3).

Любовь в Новом Завете – высшая ценность, высшее благо, без которого все позитивное в мире утрачивает свой смысл; это предел нравственного и бытийственного совершенства человека, «совокупность совершенства» (Кол. 3: 14).

Поэтому так горячо звучат призывы к любви апостола Иоанна, удостоенного опыта божественной любви. «Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога; Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Иоан. 4: 7–8).

Бог есть любовь. В этой краткой формуле глубинный общечеловеческий смысл христианства, который, увы, до сих пор остается в целом непонятым человечеством, а отдельные представители его, постигшие этот, может быть величайший, идеал человеческого бытия, считаются в нашем социуме сумасшедшими, больными, в лучшем случае чудаками. Яркий пример в отечественной культуре – до сих пор не снятый общественный приговор позднему Гоголю, попытавшемуся напомнить человечеству и реализовать в своем творчестве идеал христианской любви.

Обладание же Богом, то есть полное «знание» его, приравнивает человека к Богу, делает его свободным и независимым, лишает его всяческого страха: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (1 Иоан. 4: 18).

Наблюдения над научными, художественными и другими типами текстов позволяют уточнить и расширить индивидуальные смыслы. При этом важно посмотреть на целую концептосферу, то есть связь любви с Богом, верностью, жертвенностью, преданностью, страданием и состраданием.

Виды любви: *любовь-симпатия, страстная любовь, придуманная любовь, романтическая любовь, любовь-товарищество, слепая любовь, совершенная любовь, роковая, судьбоносная, неотвратимая, исключительная, прозаическая, спокойная, теплая, горячая, рассудочная, любовь по расчету, бескорыстная, иррациональная. Бывает любовь-дружба, любовь-привычка, любовь-борьба, любовь-мука, любовь-жертва, любовь-господство, любовь-преклонение и т.д.*

Любовь универсальна: красив человек или безобразен, богат или беден, молод или стар – он всегда мечтает о любви и ищет ее. Любовь лишает человека покоя, но придает ему огромную энергию, необходимую для развития личности¹.

2.2 Преодоление языческого толкования любви в постхристианский период

Эпоха Возрождения восстановила в правах античные представления о любви. «Земная любовь» заняла значительное место в произведениях ренессансного искусства. Философия вновь проявила интерес к платоновской теории эроса (М. Фичино). Любви снова, как и в античной философии, стали отводить роль космической силы (Д. Бруно).

¹ Маслова, В.А. Концепты разных типов и пути их реконструкции / В.А. Маслова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой культуры мира: сб. науч. тр. – Москва–Архангельск, 2012. – Вып. 6. – С. 160–169.

Суждения философов эпохи Возрождения о любви теснейшим образом связаны с формированием новых представлений о человеке, его природе, его месте и значении в мире. На смену средневековому противопоставлению божественного и природного начал в человеке приходит идея об их гармоническом единстве.

Возрождению античных представлений об эресе и о любви как космической силе значительно способствовали труды М. Фичино (1433–1499), сделавшего перевод на латинский язык сочинений Платона и неоплатоников. В его учении, синтезирующем идеи христианства и неоплатонизма, о любви говорится как о «круговой» связи всех частей мира. Любовь – «духовный круговорот», начинающийся от Бога и вновь возвращающийся к Богу.

Мыслитель раннего Возрождения Н. Кузанский (1401–1464) представлял понятие любви в двух аспектах: во-первых, как всеобщую связь в универсуме, во-вторых, как отношение Бога к человеку и человека к Богу.

Бог, в трактовке Н. Кузанского, – это абсолют, абсолютный максимум. А раз так, ничего не может находиться за Его пределами и быть противоположным Ему. Поскольку Он – единственный максимум, значит, Он одновременно и минимум; ведь нет никакой внешней по отношению к Богу меры, чтобы ею измерить и отличить бесконечно большое от бесконечно малого. В нем все совпадает – все противоположности, тем самым Он един со всем, пребывает во всем. Вера всех народов, – считает Н. Кузанский, – видит Бога этим непостижимым максимумом.

В Абсолюте все едино, все связано. Эту всеобщую связь всего со всем Н. Кузанский часто обозначает словом «любовь» и уподобляет ее святому Духу (одной из ипостасей Троицы). Все существующее движется и воздействует прямо или опосредовано на все другое, создавая единство Вселенной. Все участвуют во всем. Любовь – это высшая связь, а Святой Дух – совершенная любовь.

Любовь, – писал Н. Кузанский, – в высшей степени природна. «Ничто не лишено этой любви, без которой не было бы ничего устойчивого; все пронизано невидимым духом связи, все части мира внутренне хранимы ее духом, и каждая соединяется им с миром» [23, с. 386].

Все, что человек любит, включено во вселенское единство и порядок (в том числе и «я сам» включен в это единство и потому достоин любви). Когда человек сумеет это понять, ничто уже не покажется ему тяжелым и враждебным: всякую ношу он примет как должную в единстве бытия и любви, находя в этом возвышенное и счастливое приобщение к божественности.

Говоря о любви Бога к человеку и человека к Богу Н. Кузанский отмечает, что божественная любовь превосходит человеческую. Любовь

Бога опережает человеческую, – так же, как отеческая любовь опережает сыновнюю. Бог настолько великодушен, что дает свободу людям не любить Его (а любить кого-то или что-то вместо Него), тогда как Он всегда любовно связан со всем и каждым.

Но следует заметить, что любовь в его трактовке вновь становится природной, космической сущностью (как и у античных мыслителей), а Сам Бог един со вселенной. И это характерная черта философии эпохи Возрождения.

Английский мыслитель позднего Возрождения Фрэнсис Бэкон (1561–1626) почтительно отзывался о принципах христианской любви, а с другой стороны, уделил внимание и «земной» любви, подвергнув ее разбору с точки зрения здравого смысла.

Христианская любовь, по мнению Бэкона, является синтезом всех добродетелей. Она воспитывает у людей добрые нравы гораздо лучше, чем любой учитель этики.

Она возвышает душу человека и в то же время успокаивает, избавляет от излишних страстей. Поэтому «только одна христианская любовь никогда не может быть чрезмерной». Когда ангелы попытались сравняться с Богом в могуществе, они согрешили и пали; когда человек посягнул на знание, равное божественной мудрости (вкусил плод древа познания), он согрешил и пал; однако ни ангел, ни человек никогда не совершали и не совершат греха, стремясь уподобиться Богу в благости и любви.

Рассуждая о «земной» любви, он выделил два ряда аргументов – «за» любовь и «против».

«За» любовь: благодаря ей человек находит самого себя; великая страсть – наилучшее состояние души; без любви человеку все кажется простым и скучным; любовь спасает от одиночества.

«Против» любви: любовь хороша на сцене в виде комедии или трагедии, но в жизни она приносит много несчастий. Любовь вызывает у людей противоречия в мыслях и оценках. Она делает людей одержимыми одной мыслью, навязывает им слишком узкий взгляд на вещи.

Среди великих людей, считает Бэкон, почти нет никого, кто позволял бы этой страсти в себе вырасти до безумия, – это удел слабых людей. Бэкон приводит поговорку: «Невозможно любить и быть мудрым».

Бэкон, в общем, не против «земной» любви, но против ее чрезмерностей. По его мнению, человеческой природе присуща «тайная склонность» любить других, и если не растрчивать всю любовь на одного или немногих, то она распространяется на многих людей, она делает нас гуманными и милосердными. «Супружеская любовь создает человеческий род, дружеская любовь совершенствует его», и только «распутная любовь его развращает и унижает».

Французский философ и математик Рене Декарт (1596–1650) попытался подвергнуть любовь (наряду с другими «страстями») научно-теоретическому анализу. Научность декартова подхода выразилась, во-первых, в использовании рационалистического метода рассуждений, во-вторых, в опоре на эмпирические данные естествознания.

Прежде всего, следуя правилам своего метода, Декарт выделил среди большого множества человеческих страстей «простые и первичные». Их оказалось шесть: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль. Все прочие страсти он расценил как виды или сочетания первых.

Любовь Декарт посчитал простой и первичной страстью, которая по своей сути в любом случае – это благожелательность, хотя проявляться она может по-разному.

Декарт по-своему предложил различать три вида любви: привязанность, дружба, благоговение, они отличаются друг от друга не по предмету, на который направлены, а по степени ценности, которую им придает любящий в сравнении с самим собой: если предмет ценят меньше себя, то это – привязанность; если наравне с собой – дружба; если больше себя – благоговение.

Самое главное желание человека вызывается, по мнению Декарта, воображаемым совершенством представителя другого пола. В определенном возрасте люди чувствуют себя «ущербными» – только половинами целого, и тогда обладание другой половиной кажется им величайшим из благ, причем человек желает обладать не многими другими, а одной – единственной половиной – по природе этого достаточно. Именно такую склонность к одному человеку обычно люди зовут любовью, замечает Декарт, а не первичную страсть. Именно она служит вдохновительницей романистов и поэтов.

Не только Декарту, но и более поздним исследователям не удалось в полной мере объяснить любовь «научно».

Украинский мыслитель Григорий Сковорода стремился показать людям путь к истинному счастью. Многие ошибочно, по его мнению, связывают счастье с богатством, должностями, почестями, внешней красотой. Настоящее счастье находится не снаружи, а в нас самих: счастье – в сердце, сердце – в любви, а любовь – в вечности.

Г. Сковороде принадлежит учение о «двух натурах» – видимой и невидимой. Всякая вещь, видимая глазом, как он считал, является как бы тенью «невидимой природы», то есть тенью сущности духовной. Разумность человека состоит в способности сквозь видимое («тень», «прах», «грязь») узреть невидимое, например, в способности сквозь черноту букв видеть смысл написанного или сквозь пестроту красок узреть образ, начертанный художником. Невидимую природу Сковорода именуется словом «Бог», а видимую – «тварь»; Бог – древо жизни, а другое все – тень Его.

Люди, не зная о существовании невидимой природы, увлекаются и соблазняются обманчивой видимостью. Человек, не познавший невидимую природу, любит всего лишь проходящее. Влечение к видимой природе постоянно обманывает наши надежды, оно ненасытно, потому что не дает совершенного утешения: «Любовь к теки есть мать голода»¹, а голод – отец смерти.

Настоящее счастье испытывает тот, кто зрит невидимую природу и подчиняется ее призыву. Она открывается взору мудрости, а не телесному зрению. Мудрость древних учит: «Познай самого себя», – это любимый афоризм Сковороды. Самопознание должно открыть человеку невидимую природу в нем самом.

Познание самого себя открывает путь к пониманию Бога. Бог, конечно, не в самом человеке, но кто не ведает в себе духа человеческого, тот слеп и глух к Богу, тот не ведает «истинного человека», «ведь истинный человек и бог есть то же». Необходимо уразуметь и полюбить в себе душу, иначе наша жизнь не будет подлинно человеческой.

Призывая людей к самопознанию, Сковорода не раз упоминает миф о самовлюбленном Нарциссе – он как раз символизирует требование «Познай себя!». Правда, влюбиться следовало бы в красоту внутреннюю, а не во внешнюю, несчастный же Нарцисс «в чистом источнике засмотрелся на благообразную свою кожу, а не вникает внутрь, в самое сердце свое и в тайное руководство блаженной природы...».

Самопознание, открывая человеку его истинную природу, дает вместе с тем ключ к истинной любви и дружбе, а они зависят от сродности натур.

Любовь Сковорода определяет как бессмертное единство. Любить надобно всех (и врагов тоже), однако Бог еще дарит людям и дружбу между собой как счастливую милость. Нельзя более удружить другому человеку, чем научить его пониманию Бога.

Иммануил Кант, немецкий философ, считал, что любовь и уважение являются главными обязанностями по отношению друг к другу. Вместе с тем ученый полагал, что человек по своей природе зол.

Человек двойствен. Он принадлежит, по мнению Канта, одновременно двум мирам: миру природы и миру разума. Как природное существо (то есть как живой организм) человек не свободен от неумолимых законов природы, но как носитель разума человек обладает свободой выбора поступков.

Если бы мы подчинялись только своим природным влечениям, т.е. стремились к чувственным удовольствиям, жизнь была бы хаотическим разгулом страстей – каждое существо беспокоилось бы только о своем удовольствии. Действия таких существ не добры и не злы – они вне

¹ Сковорода, Г. Сочинения: в 2 т. / Г. Сковорода. – М.: Мысль, 1973.

морали. Но поскольку мы обладаем разумом и свободой выбора поступков (а разумный выбор подчас идет вразрез с чувствами приятного или неприятного), мы морально ответственны за свое поведение. Р. Роллан считал, что «совершенства не существует», познать его – верх торжества разума человеческого, желать его, чтобы обладать им, – опаснейшее безумие.

Хотя по природе «человек «зол», его собственный разум говорит ему о необходимости следовать сверхприродным требованиям долга, в том числе обязанностям любви и уважения. Кант считал, что делать добро другим человек способен независимо от того, любим мы их или нет; разум велит делать добро даже в том случае, если бы жизнь привела нас к «открытию», что род человеческий не достоин любви.

Долг любви не является для человека результатом чисто логических «вычислений».

В нем таится также и сила аффекта, неосознаваемых «темных представлений». В основании любви есть животное чувство, преобразованное в высший элемент культуры. То половое влечение, которое одинаково присуще человеку и животному, у человека способно быть более длительным и интенсивным благодаря воображению.

Отказ от чисто животного удовлетворения, ведущего к пресыщению, и «был, – по мнению Канта, – тем волшебным средством, превратившим чисто чувственное влечение в идеальное, животную потребность – в любовь, ощущение просто приятное – в понимание красоты сначала в человеке, а затем и в природе» [18].

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) в ранних своих работах писал о любви в связи со своим интересом к проблеме религии. Он полагал, что Христос в Нагорной проповеди показал решение проблемы соединения «склонности с законом, благодаря чему последний теряет свою форму закона... Совпадение склонности с законом заключается в том, что закон и склонность перестают отличаться друг от друга... Это совпадение есть жизнь, а в качестве отношения различных – любовь...» [11, с. 109–110].

По мнению Гегеля, нелепо говорить о любви к людям «вообще» – к тем, кого мы не знаем. Невозможно любить всего лишь мысленное. Любовь к ближнему – это любовь к тем, с кем мы вступаем в отношения, с кем имеем дело чувственно. Также и любовь к Богу возможна лишь тогда, когда он обретает в нашем представлении форму существа, которому можно поклоняться и которое этого достойно. Человеческое стремление к религии – это, по мнению Гегеля, потребность силой фантазии соединить в прекрасном, в Боге, субъективное и объективное, чувство и его стремление к предметности...

В любви к ближнему идеалом нравственных связей Гегелю представляются отношения между братом и сестрой – «беспримесное нравственное отношение», вершина нравственных связей внутри семьи.

В период творческой зрелости Гегель особо выделяет подлинную «земную» любовь, отличая ее и от гедонической любви (выше которой не могли подняться люди античной эпохи), и от религиозной. Эта любовь проникнута духом рыцарского служения. Человек забывает себя ради другого, но благодаря другому вновь находит себя, однако уже не прежнего, а нового, безмерно обогащенного. «Потеря своего сознания в другом, видимость бескорыстия и отсутствие эгоизма, благодаря чему субъект впервые снова находит себя и приобретает начало самостоятельности; самозабвение, когда любящий живет не для себя и заботится не о себе, находит корни своего существования в другом и все же в этом другом всецело наслаждается самим собою, – это и составляет бесконечность любви...» [11, с. 275–276].

Когда уже ничто не помогает, –
Нет выхода – ложись и не дыши,
Тогда на книжной полке набираю
Я номер скорой помощи души.

Поэзия, примчись в своей карете!
Поэзия, примчись меня спасать!
Поэзия, пришли своих поэтов –
Они поймут, они должны понять.

Я сам хочу твоим быть санитаром, –
Когда кого-то будет боль душить,
Я, бросив всё, примчусь к сердцу пожарам
В карете скорой помощи души.

В.А. Моляко

Целомудренное толкование сексуальной революции мы находим у А.С. Пушкина:

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моленья,
Ты предаёшься мне нежна без упоенья,

Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле –
И делишь наконец мой пламень поневоле!

Все инфернальные толкования по процедурам в передачах о сексуальной революции у нормального человека вызывают только отвращение.

Людвиг Фейербах (1804–1872) уделил теме любви особое внимание, полагая, что на смену традиционным религиям должна прийти «религия» любви человека к человеку. В начале своей деятельности он утверждал, что теология не знает ни действительного, ни истинного человека, а представляет его абстрактно.

Определенность человека возникает лишь посредством любви и сущность любви, по его мнению, обнаруживается всего яснее в одном виде любви – в любви мужчины к женщине. А позже Фейербах еще напишет, что любовь к женщине есть основание всеобщей любви, и кто не любит женщину, не любит человека.

Загадка вечная, царица... и раба,
Звезда мечтателя, кровавый пир Спартака,
Из-за тебя одной всевечная борьба,
Где гордый человек, то гений, то собака.
Ты мира колыбель, исходная тропа.
Ты, омлевшая созвездье Зодиака,
Сильна ты точно смерть, и, как судьба смела.
Твой аромат пьянит страшней, чем зёрна мака
Но мудрая! В душе живучей, как змея,
Ты тайно сберегла всю мощь бытия,
И в грозный тёмный час унынья и упадка
Над миром вновь взойдёшь, свет утренний лия,
И нам, рабам твоим дрожащим, будет сладко
Тебя короновать. О вечная загадка!

А. Куприн

И в первом опубликованном произведении Фейербаха – «Мысли о смерти и бессмертии» (1830) – речь тоже идет о любви. Бессмертен только Бог; «Бог есть любовь», а любящий человек причастен к Богу и, значит, к бессмертию. Любовь человека различна – к деньгам, вещам, отдельным существам, к человеку вообще, к добру, Богу, истине. Истинность и ценность любви определяется содержанием и объемом чувства. Фейербах также считал, что чем больше ты отдаешь самого себя, тем искреннее твоя любовь. Нельзя любить без самоотдачи.

В основу своей философии Фейербах положил антропологический принцип, смысл которого в том, чтобы свести все сверхъестественное к природе, а сверхчеловеческое к человеку. По мнению Фейербаха, это разум, любовь и воля. В своем главном произведении «Сущность христианства» он полагал, что человек существует, чтобы познавать, любить, хотеть. Но какова цель разума? – Разум. Любви? – Любовь. Воли? Свобода воли. Мы познаем, чтобы познавать, любим, чтобы любить, хотим, чтобы хотеть, то есть быть свободными... Истинно, совершенно, божественно только то, что существует ради себя самого. Фейербах здесь имеет в виду, что любовь (как и разум, и воля) – абсолютная, а не относительная способность человека; любовь цель самой себя.

Любовь – непреодолимая страсть, побеждающая голос разума, толкающая людей на жертву своим благополучием, порождающая высокие творения искусства и... вдруг исчезающая, как призрак. Какая губительная сила вводит нас в губительный возвышенный обман? Эта сила – незримая воля, половой инстинкт. Такое объяснение тайны половой любви предложил Артур Шопенгауэр.

Хотя любовь – это, по сути, стремление индивида к физическому обладанию другим индивидом ради продолжения рода, все же возвышенная страсть любви не то же самое, что примитивное половое влечение. Любовь направлена на конкретную особу, а не просто на представителей противоположного пола. Это тоже проявление «хитрости», т.е. целесообразности, воли рода; дело в том, что воля заинтересована в рождении не просто еще одного существа, но как можно более совершенного, гармоничного индивида. Началом зарождения индивида следует считать, по мнению Шопенгауэра, начало увлечения его родителей друг другом. Любовь – это «трепет» нового поколения, «воля к жизни нового индивидуума». Любовное влечение должно преодолеть все препятствия, пренебречь понятиями чести, долга, верности – ради рождения нового гармоничного индивида. Любящие люди жертвуют своим счастьем ради рода; взамен для себя лично они не получают того блаженства, на какое могли бы рассчитывать. Любовное чувство угасает, когда его цель достигнута, и тогда может обнаружиться, что кроме слепой страсти двух людей ничего не связывало. Они больше не нужны друг другу. Брак по расчету обычно счастливее, чем брак по любви, считает Шопенгауэр, ведь корыстный расчет сохраняет свою силу и тогда, когда иллюзия любви рассеивается; однако брак по любви, даже несчастливый, все-таки возвышеннее – он соответствует природному назначению.

Шопенгауэр подчеркивает, что его «метафизика любви» тесно связана со всей его философской концепцией, давая ей дополнительное освещение и подтверждая ранее высказанные истины: во-первых, что внутренняя сущность человека является бессмертной и продолжает жить в грядущем поколении; во-вторых, что эта сущность относится больше к

роду, чем к индивиду. Любовь потому имеет над нами такую власть, что она является залогом бессмертия, неразрушимости самого существенного ядра человека.

Владимир Сергеевич Соловьев в работе «Смысл любви» оспаривает распространенное мнение, будто любовь – это лишь средство для продолжения рода. Настоящий смысл любви заключается не в размножении, а в стремлении человека к единству с другим, причем к такому единству, в котором не теряется его индивидуальность. В любви человек отрицает свой эгоизм и вместе с тем не утрачивает, а наоборот, обретает свое настоящее «Я». Заблуждение эгоиста состоит в том, что, пренебрегая достоинством других, он тем самым лишает смысла свое собственное существование среди людей, которых не уважает и не любит.

Благодаря любви нам открывается идеальная сущность человека, обыкновенно закрытая его «материальной оболочкой». Идеализация любимого человека не искажает его «подлинный образ», а как раз позволяет увидеть, что кроме животной материальной природы, он имеет в себе природу идеальную, связывающую его с Богом.

«Идеальный» человек должен быть целостным, однако в повседневной жизни нам встречаются только «половинки» человека – т.е. либо мужчины, либо женщины. Осуществить это единство, или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, – в этом Соловьев видит ближайшую задачу любви.

Любовь Соловьев отличает от «внешнего соединения» – от «житейского» (брачного) и особенно от «физиологического». И брак, и секс возможны без любви, как и любовь бывает без них. Они должны быть не основанием, а высшим завершением любви. Однако исключительна лишь духовная любовь, – считает Соловьев, – тоже аномалия, явление бесцельное.

Человеческой любви, по мнению Соловьева, предшествует «идеал Божьей любви». Бог как единый соединяет с собою все другое (т.е. вселенную), и это другое имеет для Него образ совершенной вечной Женственности. И для человека предметом любви является, по сути, одна и та же «вечная Женственность», хотя конкретная женская форма земной природы может быть и преходящей, поэтому человеческая любовь может повторяться.

Реальные условия, в которых мы живем, не благоприятствуют любви. Она должна себя отстаивать против игры животных страстей и еще худших страстей человеческих. Против этих враждебных сил у верующей любви, по мнению В. Соловьева, есть только оборонительное оружие – терпение до конца. Полное осуществление любви в мире, считает Соловьев, невозможно без соответствующего преобразования всей внешней среды, т.е. без обеспечения «сигизии» (от греч. «сочетание») в жизни общественной и всемирной.

Николай Александрович Бердяев уделил теме любви значительное внимание во многих работах: «Смысл творчества» (1916), «О назначении человека» («Опыт парадоксальной этики») (1931), «О рабстве и свободе человека» (1939) и др.

В суждениях Бердяева о любви синтезированы идеи христианства и воззрения Платона, А. Шопенгауэра, Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, З. Фрейда. Он не создал систематизированного «учения о любви», не стремился дать ей «теоретическое объяснение», а рассматривал ее в соотношении с такими важными для нее «предметами», как личность, свобода, творчество.

Будучи приверженцем философии персонализма, Бердяев особое значение придавал понятию личности; а смысл любви, по его мнению, состоит в том, что благодаря ей личность совершенствуется, стремится к идеальному бытию, относится к другому индивиду как к личности.

Вслед за В.С. Соловьевым Н.А. Бердяев отличает любовь от полового влечения и противопоставляет их друг другу. Половое влечение порабощает человека, в то время как любовь ведет человека к освобождению от рабства природного, состоящего в следовании животным инстинктам, и социального, подчиняющего индивида обыденным безличным нормам социальной жизни. Природа любви – космическая, она «не от мира сего»; любовь приходит к нам не по нашему произволу, но по божьей воле; она выше людей, поэтому не должна бояться причиняемых ею страданий.

Бердяев выделяет два типа любви: любовь восходящую (эрос) и нисходящую (агапэ). Любовь – эрос – влечет человека к совершенству, красоте, духовному обогащению; она устремлена ввысь и видит образ любимого в Боге. А любовь агапэ не ищет возвышения для себя; она «видит другого в богооставленности, погруженности во тьму мира, в страдании, уродстве». Каждый из этих типов любви ущемлен в отдельности от другого. Эрос и агапэ должны сочетаться и дополнять друг друга, жалость агапэ способна смирять жестокость эроса.

По мнению Бердяева, пол имеет природу не только физиологическую, но и мистическую. Пол – это полярность, которая расщепляет весь мир, наполняет его половым томлением, жаждой соединения. Половинчатость пронизывает все существо человека, заряжает его творческой энергией. Половое влечение – это и есть творческая энергия в человеке, – утверждал Бердяев, ссылаясь на учение З. Фрейда. Связь между творчеством и рождением в том, что и то, и другое является «разрядкой» энергии пола; противоположность в том, что творческая и родовая продуктивность человека обратно пропорциональны. Деторождение отнимает энергию от творчества. Наиболее рождающий, – по мнению Бердяева, – наименее творящий.

Любовь не только побуждает личность к свободе, развитию и творчеству, но и открывает нам глаза на других личностей. Любящий прозревает любимого через оболочку природного мира... Любовь есть путь к раскрытию тайны лица, к восприятию лица в глубине его бытия. Напротив, сексуальный акт закрывает тайну лица. Он дает поверхностное и призрачное соединение, после которого отчужденность между мужчиной и женщиной становится еще большей.

Такое соединение развратно. От развратности его не спасает и официальный брак. Разврат, по мнению Бердяева, состоит не в «недозволенных» формах соединения, а в недостаточном соединении, при котором не происходит проникновения в «тайну лица». «...Так на продажную красу, насытись ею торопливо, разврат косится боязливо» (А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»).

Существует, как отмечает Бердяев, три точки зрения на смысл полового соединения: 1) деторождение; 2) в получении наслаждения; 3) в стремлении к единству с любимым. Только последний, по убеждению философа, является морально и духовно оправданным, так как предполагает одухотворение пола, утверждает достоинство личности.

3. Фрейд сделал попытку возвысить физиологически психологическую сторону любви в противовес социальной культуре, в которой он видел своего рода тюремщика и палача, сковывающего и ломающего естественные человеческие порывы. А ведущий среди них – это мощная сила сексуального влечения, определяющая собой явно или неявно многие другие, казалось бы, от секса независимые мотивы поведения. Она, по мнению Фрейда, стесняется и деформируется условностями социальной жизни, а потому выступает поневоле в неожиданных и загадочных, иногда уродливых и страшных обликах (нарциссизм – самое безобидное из них). Половой инстинкт вынужден маскироваться и трансформироваться, но все-таки он пробивает себе путь, хотя нередко, особенно в детстве, выступает в трудно узнаваемых и даже загадочных формах. Потом Фрейд обратил пристальное внимание на трагические стороны любви, на переходы любви в ненависть и во влечение к смерти. Бог любви, Эрос, идет рука об руку с Танатосом, богом смерти. Неврозы сексуальной неудовлетворенности, когда они не смягчены, скрепляют их союз.

От фрейдовской гипертрофии роли сексуальных влечений в жизни современного человечества попытался отойти Карл Юнг. Он признал, что любовь – это только одно из ряда проявлений жизненных потенций человека. Но она глубоко коренится в «архетипах» бессознательных структур массовой психики, в которых мужское начало отличается в общем последовательностью и цельностью, тогда как женское особенно противоречиво: так, психологические установки коварной соблазнительницы

и самоотверженной матери диаметрально противоположны, они борются друг с другом, друг друга вытесняют и отрицают.

Другой неофрейдист, Вильгельм Рейх, в отличие от К. Юнга, наоборот еще более гипертрофировал пансексуализм Фрейда. Все, кроме секса, – только видимость.

Борьба за освобождение человека означает снятие всех преград, которые установлены культурой на пути удовлетворения его половых потребностей, так что необходима «сексуальная революция». Ее Рейх и провозгласил в книге под тем же названием (1936), понимая данную революцию как утверждение вседозволенности. В сексуальном неоанархизме В. Рейха есть определенный отголосок рассуждений пролеткультовцев 20-х годов XX в. о «свободной любви». Псевдореволюционная демагогия В. Рейха нашла свою кульминацию в его сочинении «Функция оргазма» (1927).

К неоанархическим идеям в трактовке сексуальных проблем был близок один из ведущих теоретиков франкфуртской школы – Герберт Маркузе, автор сочинений «Эрос и цивилизация. Философское исследование Фрейда» (1955) и «Структура влечения и общество» (1965).

Г. Маркузе требовал полного раскрепощения чувственности, путь к чему лежит через бунтарский «Всеобщий отказ» во главе с людьми, находящимися за пределами официального общества: этим людям «ничто не жалко», и они сметут прочь «любые структуры господства» в современном мире. Произойдет «эротизация» личности, все освободятся от труда и отдадутся ничем не скованной игре сексуальных влечений и переживаний. Эти погружившиеся в неотличимую от секса любовь люди будущего из «Очерка об освобождении» Г. Маркузе напоминают нам элов из знаменитой утопии Г. Уэллса «Машина времени». Но кто стал бы кормить и одевать этих беззаботных и ветреных искателей приключений?

Иной была концепция любви, развитая феноменологом Максом Шелером в его сочинении «К феноменологии и теории чувств симпатии к любви и ненависти» (1913). Его второе измененное издание вышло под названием «Сущность и формы симпатии» (1923). Среди феноменологов имел хождение взгляд на любовь как на развитие социального чувства симпатии: желание помочь другому и облегчить ему жизнь соединено при этом с сохранением «собственной самости». Шелер счел эту социальную редукцию чувства любви упрощенной: в основе любви, по его мнению, лежит личное отношение к ценностным доминантам. Он выделил три основные ступени развития любви как ориентации на определенные ценности: любовь к добру, любовь к высшим обретениям культуры и, превыше всего, – доходящая до полного самоотречения любовь к священному. В этих выкладках Шелера сыграли свою роль его религиозные чувства. Развивая последние идеи, Ф. Розенцвейг определил любовь как форму диалога, кульминация которого – в разговоре

человеческой души с Богом. М. Шелер подчеркнул, что любовь не основана на естественных влечениях людей и переносится с одного объекта на другие, она «сама есть влечение», интенция к ценностям, а потому всегда непосредственна.

Жан-Поль Сартр – представитель французской версии атеистического экзистенциализма – рассматривал любовь как непрочное, крайне хрупкое и обманчивое чувство, чреватое изнуряющими душу конфликтами. Ход мыслей Сартра в упрощенном виде таков: радости любви сопричастны освобождению человека, но прочности победы не дают никогда. Противоречия раздирают женскую психику, но в любви человек вообще делает себя объектом для «другого», и в итоге мазохистские переживания также и у мужчин оказываются неистребимым моментом психики. Слияние с «другим» ведет к утрате себя в нем, а это очень дорогая плата экзистенции за эфемерное счастье. К тому же на него со всех сторон ополчаются конкуренция, корысть и зависть. «Другой» врывается в любовь, и он выступает как «чужой», в роли мучителя. Любовь разочаровывает, ускользает, выявляет амбивалентность любви и ненависти.

Ж.-П. Сартр предпринял попытки соединения экзистенциализма с марксизмом, что, впрочем, мало отразилось на его взглядах на проблемы секса, любви и брака.

Эрих Фромм справедливо бросил в лицо всей современной цивилизации обвинение в девальвации любви, где именно характерные свойства капитализма эту девальвацию усилили. Полное господство товарных отношений и рыночной экономики неуклонно стимулирует узкоэгоистические чувствования.

Э. Фромм убежден, что любовь должна все-таки вновь утвердить себя как творческая сила, обогащающая и поддерживающая человечество, и в основу ее должны лечь общечеловеческие чувства любви ко всем ближним. Человечество устало от обездушенности, и это Э. Фромм почувствовал. Обездушенность, как и прочие отчужденные состояния, с любовью несовместима и всегда подтачивала и губила ее целительные, оживляющие силы. Как бы то ни было, свести любовь только к сексу невозможно, тем более, когда она просветлена разумом, но им не иссушена и не превращена в бессердечную рефлекссию. Всюду нужна мера.

Машинная цивилизация принесла с собой коммерциализацию человеческих отношений, включая интимные. Женское тело превратилось в постепенно терявший свою экзотическую таинственность товар. Все можно продать и купить, если есть деньги. Проституция стала сферой услуг, одной из наиболее выгодных, с точки зрения прибыли. Порою кажется, что культура безвозвратно отступила под натиском биологической природы человека, откатываясь к стандартам своего исторического начала. Новый всплеск эротической вакханалии связан с

внедрением в быт персональных компьютеров, знаменовавшим наступление эпохи информатики, и растерянностью перед ее перспективами и опасностями. Психологический шок от СПИДа основательно девальвировали журнальная и киношная порноиндустрия, синтетические заменители гениталий половых партнеров, телефонный секс. Теперь к этому присоединяется эротика с использованием поистине неисчерпаемых возможностей Интернета.

Сексомания, таким образом, рискует переместиться из личной постели на подрагивающий дисплей персонального компьютера. Партнера все больше и больше вытесняет и грозит заменить его изображение. Половой акт в компьютерной аранжировке – зрительная, слуховая и ручная имитация интимной близости. Тем самым грубо попираются естественные эротические «нормы», включающие в половой акт все органы чувств и гормонально-иммунные системы организма, а также периодическое деторождение как естественную потребность женского организма, как стремление индивидов обоого пола повторить и продлить во времени себя самого и любимого человека.

Что ждет поборников нового вида полового удовлетворения, своего рода «интеллектуального» онанизма? Наверно, ничего хорошего. Им почти гарантирована натуральная импотенция, когда они захотят вернуться в нашу естественную реальность.

Подлинная, насыщенная «вершинными» чувствами эротика отличается от примитивной страсти и извращенно-головоломной компьютерной «виртуализации» естественного процесса. Высокая любовь, действительно, божественна в том смысле, что является нежданно-негаданно, а звать и гнать ее бесполезно. Как и всякая воля «неба», она всесильна и спонтанна, жестко корректирует и подчас буквально крушит прежние представления и планы людей, становится эпицентром личности и смысла жизни [3].

Чем дальше от Бога, тем тяжелее для людей становится бремя собственного (греховного) тела. Оно действительно становится игом. Это сразу стало понятно Адаму и Еве, которые «впали в срам» после грехопадения и направили свои усилия на поиск экипировки, которая ничего фактически телу не дала. Тело изматывает душу и дух падшего человечества. Достаточно посмотреть на стареющих шоу-звезд, которые изощренно прикрывают «фрагменты тела» синтетическими фиговыми листочками. В итоге тело подавляет, довлеет над вокалом. Тело (организм) вновь начинает властвовать над душой и духовностью (достаточно вспомнить тексты эстрадного, так называемого популярного, жанра).

Г Л А В А 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОИСК ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЮБВИ

Существует одно очень универсальное понятие, которое «всплывает» на поверхность и активно обсуждается на протяжении всей истории развития человечества, в любой формации, в любой эпохе, любой нацией и т.д., но которое процветает на виртуальном уровне, а на практике часто принимает уродливые искаженные формы, которые трудно отнести к главной заповеди человеческой выживаемости, сложны либо предельно просты механизмы, способные кардинально изменить жизнь человека, семьи, общества, нации, государства и т.д. Это понятие – «любовь», являющееся главной ипостасью личности, которая в полной мере позволяет характеризовать саму личность. Это та сущность в развитии примитивных параметров личности, которые либо делают эту личность человеком, либо нет. Абстрагируясь от научных понятий, которые в редких случаях бывают продуктивными, человеку интересно, а иногда и очень насущно, с точки зрения болезней, неудач, мук, понять: почему же все это происходит со мной, почему я так несчастен и одинок, зол и раздражителен, жесток и упрям, добр или мстителен и проч. А перед каждым ли человеком встает эта задача?

На наш взгляд, синомика любви в человеке и составляет проблемы его взаимодействия с другими людьми, обществом и проч. Ведь на уровне человеческого общения, будь то семья, коллектив рабочих на предприятии, педагогический коллектив, научный коллектив, студенты, общественные и государственные деятели и др., прежде всего каждый обращает внимание на то, насколько ему хорошо и комфортно находиться и общаться здесь, или с тем или другим человеком, есть ли тепло, доброта, забота, взаимопонимание. И не для каждого важна состоятельность человека как руководителя, общественного деятеля, педагога, ученого. С точки зрения конвенциальных норм, эгоистичный, жесткий, себялюбивый человек, скорее всего, будет отталкивать и создавать атмосферу пустоты возле себя. В то время как человек, хоть немного думающий о других, принимающий себе подобного человека не зависимо от его положения, регалий, счета в банке, красоты и проч., как равноценного себе, будет притягивать людей, создавая атмосферу взаимопонимания в любом взаимодействии: в семье, профессиональной деятельности, думе, классе и проч.

Еще в середине XX в. Эрих Фромм в своей работе «Искусство любить» хотел показать, «...что любовь не сентиментальное чувство, испытать которое может всякий человек независимо от уровня достигнутой им зрелости». Он хотел убедить читателя, что все его

попытки любви обречены на неудачу, если он не стремится более активно развивать свою личность в целом, чтобы достичь продуктивной ориентации; что удовлетворение в индивидуальной любви не может быть достигнуто без способности любить своего ближнего, без истинной человечности отваги, веры и дисциплины. В культуре, где эти качества редки, обретение способности любить обречено оставаться редким достижением. Пусть каждый спросит себя: «Как много действительно любящих людей он встречал?».

Конечно, отчасти проблемы человека можно объяснить и с точки зрения психологии сознания – достаточно ли конструктивны самооценка, мотивы, потребности, рефлексия и т.д.; и с точки зрения психологии бихевиоризма – какие реакции возникают у человека на те или иные стимулы из вне; и с точки зрения психоанализа – насколько отягощена сублимация, насколько приснившийся сон или какое-то другое явление из бессознательного влияет на настроение человека, его характер; и с точки зрения гештальт-психологии – насколько эмоции, потребности, цели человека определяют его взаимодействие с другими в семье, профессиональной деятельности; и с точки зрения гуманистической психологии – насколько и как саморазвитие и саморегуляция влияют на взаимодействие человека; и с точки зрения когнитивной психологии – как субъективное и активное преобразование информации «творит» эту личность; и с точки зрения отечественной психологии – как деятельность человека детерминирует его развитие и взаимодействие.

Но только отчасти и как следствие, но не как причина. Причина же кроется в ответе на вопрос: «Является ли любовь искусством?», который задал еще Э. Фромм в работе «Искусство любить». – «Если да, то она требует знания и усилия. Или, может быть, любовь – это приятное чувство, испытать которое – дело случая, нечто такое, что выпадает человеку в случае удачи. Эта маленькая книга основана на первой предпосылке, хотя большинство людей несомненно исходят из второй». И мы полностью согласны с Э. Фроммом, что любовь – это не просто искусство, но школа, от верного выбора которой зависит судьба не только одного человека, но и человечества в целом.

Ученый отмечает, что люди жаждут любви, смотрят бессчетное количество фильмов о счастливых или не счастливых любовных историях, слушают сотни глупых песенок о любви, но едва ли кто-нибудь действительно думает, что существует какая-то необходимость учиться любви. Эта установка основывается на следующих предпосылках. Для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы *быть любимым*, а не в том, чтобы *любить, уметь любить*.

Одним из заблуждений является отношение к любви как к чему-то, не требующему обучения, которое состоит в допущении, что *проблема любви – это проблема объекта*, а не способности. Люди думают, что

любить просто, а вот найти подлинный объект любви или оказаться любимым этим объектом – трудно. С этим фактором тесно связана другая характерная черта современной культуры. Вся наша культура основана на жажде покупать, на идее взаимовыгодного обмена, что делает человека особенно привлекательным – это зависит от моды данного времени, как физической, так и духовной. Едва ли приходится удивляться, что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же образцам, которые управляют и рынком.

Также ошибочным является мнение, ведущее к убежденности, что в любви ничему не надо учиться: происходит *смещение первоначального чувства влюбленности с перманентным состоянием пребывания в любви*. Эта установка, что ничего нет легче, чем любить, – продолжает оставаться преобладающей идеей относительно любви вопреки подавляющей очевидности противного. Едва ли существует какая-то деятельность, какое-то занятие, которое начиналось бы с таких огромных надежд и ожиданий и которое все же терпело бы крах с такой неизменностью, как любовь. Если бы это касалось какой-либо деятельности, *люди сделали бы все возможное, чтобы понять причины неудачи, и научились бы поступать наилучшим для данного дела образом или отказались бы от этой деятельности*. Поскольку последнее в отношении любви невозможно, то единственно адекватный способ избежать неудачи в любви – исследовать причины этой неудачи и перейти к изучению смысла любви.

В науке должно быть все четко и определено, выверено не одним опытом и экспериментом, для того, чтобы дать определение, установить закономерности и механизмы действия изучаемого явления. Но вместе с этим любое четкое определение и ограничивает данное изучаемое явление рамками исследований, целями и задачами, способами и методами изучения, принципами, а значит и не дает полного представления об изучаемом явлении, предмете и, к тому же еще, не выдерживает критики временем, а не правильно понятое или не четко донесенное до сознания людей определение может подвести не просто отдельного человека, а все сообщество людей к катастрофе. *Великие умы останавливаются перед великим и не ищут пошлых для него объяснений. Ч. Шеррингтон остановился перед объяснением сознания и предупредил, что его бессмысленно искать в мозге и языке, А. Эйнштейн остановился перед объяснением мышления, Н. Бор – перед объяснением понимания* [19, с. 20].

В связи с этим мы полностью согласны с мнением доктора психологических наук института РАО С. Братусем о том, что психологии необходимо найти свое место среди других наук о человеке. Академик Б. Кедров помещал психологию в центре своего «треугольника наук», один угол которого занимают науки естественного цикла, другой – гуманитарного, вершину – философия. То есть отвел ей почетное место.

Она представлена как некое «тело наук», стягивающее в себе главные формы научного знания. Но за этот почет психологии приходится очень дорого платить. Психология по этой схеме не определена сущностно, она не имеет понятий, из нее самой полностью восходящих и полностью выявляемых через собственное движение. Она, как человек-невидимка, становится видимой не сама по себе, но только тогда, когда надевает одежду. А так как своей нет – то одежду с чужого плеча. Продолжая эту метафору, можно сказать, что большую часть своей жизни *психология проходила в естественнонаучных одеждах* – и они, эти одежды, стали многим казаться единственно для нее возможными, единственно адекватными ее предназначению в жизни Науки. И, действительно, в таких одеждах ей «не тесно», когда это ее предназначение видится лишь *в исследовании элементарных фактов психических процессов*. Когда целям исследований адекватен эксперимент, когда нужны строгие правила, однозначно понимаемые определения и т.д. Но разве можно ими обозначить *милосердие, любовь, надежду*? Однако до сих пор многие психологи убеждены, что именно эти «одежды» (и никакие другие) свойственны психологии.

А это уже подводит психологию вообще к отказу от познания реальной личности, в частности личностных норм и аномалий. Что же касается наиболее расхожих адаптационных и среднестатистических критериев, идущих от естественнонаучного подхода, то их недостаточность интуитивно заставляла даже психиатров, для которых эти критерии были основой их профессии, относиться к ним с плохо скрываемым раздражением. Один известный французский психиатр еще в начале века писал: «В тот самый день, когда больше не будет полунормальных людей, цивилизованный мир погибнет, погибнет не от избытка мудрости, а от избытка посредственности» [17].

Если же брать времена совсем недавние, то генерала Петра Григоренко помещали в психиатрическую клинику и насильно удерживали там на основании все тех же названных выше критериев – неадаптивности, выпадения из общепринятого русла и т.п. Понятно, что за всем этим лежали политические мотивы, но реализовывались они через внешне определенные критерии и представления, согласно которым «нормальному Брежневу» противостоял «ненормальный» правозащитник.

То есть вопрос нормы, нормального развития личности для психологии становится уже не просто насущным, а жизненно необходимым в свете тех сакраментальных проблем, которые назрели и уже вопиют во всем мире. И психология как одна из основополагающих наук о человеке должна понимать меру своей ответственности за любые вмешательства во внутренний мир человека, прежде чем выдавать на-гора результаты своих исследований, экспериментов, заключений. Все это очень трудно понять без достаточно объективного анализа истории

развития человечества даже на протяжении последних 100–150 лет. Для того, чтобы человечество одной ногой сейчас уже стояло на краю пропасти, достаточно было во второй половине XIX в. появиться теории К. Маркса о научном материализме, что привело к социалистической революции 1917 г.; идеи К. Цеткин о свободе и независимости женщин, что привело к возникновению движения феминисток и уходу женщины из семьи и как результат – несчастные недополучившие во всей полноте тепла, любви, внимания матери дети; и в начале XX в. теории З. Фрейда о сексуальности, что спровоцировало движение сексуальных меньшинств, их легализацию, а также пропаганду «свободной любви». В итоге – море пролитой и проливаемой крови, миллионы искалеченных судеб, брошенных детей, для которых жизнь на улице – это единственный способ существования, где они и познают все прелести обратной стороны ярких научных открытий и социальных революций.

И здесь полностью нужно согласиться с мнением М.М. Бахтина, что «...подлинная жизнь личности совершается как бы в точке несовпадения человека с самим собой, в точке выхода его за пределы всего того, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, «заочно». *Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, т.е. заочная правда, становится унижающей и умерщвляющей его ложью*». И если вдуматься в эти слова, то они представляют, по сути, смертный приговор для научной психологии личности, которая и построена как раз на подслушивании и подсматривании, на стремлении к получению заочной правды. Опасность внедрения такой безоговорочной трактовки была замечена А.П. Петровским: «Трудно найти другое столь сильно и лаконично выраженное обвинительное заключение, предъявленное детерминистской психологии, которая в своей экспериментальной практике, минуя интроспекцию, пытается получить (подсмотреть, предсказать, определить) эту самую заочную правду о личности другого человека, исследуя как раз то ее «вещное» бытие, которое Бахтин ... объявляет «унижающей и омертвляющей ложью», потому что человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А». Эти слова целиком согласуются с пониманием человека как безмасштабного существа, трансцендирующего свои границы, не поддающегося конечным определениям. Аппарат психологической науки не должен быть применен здесь непосредственно. Другое дело – личность с позиции психолога. Она может быть понята как особый психологический инструмент, орудие, принадлежащее человеку, как и другие орудия и инструменты. Здесь уместно вспомнить расхожий в психологии теперь уже афоризм: «Мыслит (или запоминает) не мышление (или память), а человек». Также и бытует не личность, а человек. Если начинает мыслить мышление

или запоминать память, то это либо патология, либо мука (например, жизнь описанного А.Р. Лурия мнемониста), выход орудия из-под власти.

Чрезвычайно трудно в личности распознать человека. Иногда это не удается даже профессиональным психологам:

КО МНЕ ПРИСТАЛ ДРУЖИТЬ ИУДА

Он так обличье изменил,
Что я не понял: он оттуда
И что Христа уже сгубил.
Он был такой рубаха-парень,
готов во всем был помогать,
а я доверчив был, бездарен,
чтобы Иуду опознать.
Все перешло в такую дружбу
мы двое – не разлей вода,
вдвоем и в людях, и на службу,
и друг без друга никуда,
И он месил меня, как глину,
представив правдой злую ложь.
И час настал – и он мне в спину
вогнал по рукоятку нож.

В.А. Моляко

Но в чем тогда видится специфика личности как психологического инструмента? Вспомним, что человек единственный из всех живых существ не принадлежит своему роду по факту рождения. Ему надо человеческую сущность присвоить – «выделаться в человека». По словам немецкого философа И. Гердера, «человек первый вольноотпущенник природы», поскольку она, чтобы даровать ему свободу, вынуждена была оставить его без защищающих и поддерживающих инстинктов, т.е. систем автоматизированных действий, разворачивающихся в ответ на пусковые раздражители. Формирование и самостроительство в себе человека, сама способность и возможность такого самостроительства: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17: 21) – подразумевает наличие некоего психологического орудия, органа, постоянно координирующего и направляющего этот невидимый, не имеющий аналогов в живой природе, процесс. Этим органом и является личность человека.

Таким образом, личность как специфическая, не сводимая к другим измерениям конструкция не является самодостаточной, в себе самой несущей конечный смысл. Смысл этот обретается в зависимости от складывающихся отношений, связей с сущностными характеристиками человеческого бытия. Иначе говоря, *сущность личности и сущность человека отличаются друг от друга тем, что первое есть способ,*

инструмент, средство организации достижения второго, а значит, первое получает смысл оправдания во втором. Личность масштабна человеку. Человек масштабен своей родовой сущности – человечеству. Или в религиозном смысле – Богу.

Личность как психологический инструмент может «овнешниться», о ней можно говорить «заочно», и это отнюдь не противоречит трансцендирующей, изменяющейся природе человека. Другое дело – человек, на познание, «овнешнение» которого как целого психология при всей ее раздувшейся за столетие гордыни претендовать не может. Конечно, задача психолога тогда заметно усложняется – он должен уметь соотносить личность с тем, что бесконечно ее больше, соотносить определенное и определяемое с тем, что не определено и неопределимо, но именно это соотношение, напряжение, разность потенциалов есть важнейшее условие существования личности, *собственно* то, что и придает этому существованию истинный смысл, энергию и масштаб.

Характеристика личности, ее «нормальность» или «анормальность», будет зависеть от того, *как служит она человеку*, способствуют ли ее позиция, конкретная организация и направленность приобщению к родовой человеческой сущности, или, напротив, разобщает с этой сущностью, запутывает и усложняет связи с ней. Таким образом, понятие нормы приобретает иные адресность и вектор: не к статистике, адаптации и т.п., а к представлению о человеческой сущности, к образу человека в культуре. Другими словами, проблема нормального развития личности ставится в зависимости от проблемы нормального развития человека. Последнее в самом общем виде понимается, как такое развитие, которое ведет к обретению человеческой сущности, к соответствию человека своему понятию – понятию человека.

Центральной, смыслообразующей характеристикой человека является его способ отношения к другому человеку. С.Л. Рубинштейн ее выразил так: «...первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек». Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, что он стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать. Психологический анализ человеческой жизни, направленный на раскрытие отношений человека к другим людям, составляет ядро подлинно жизненной психологии.

Нормальное развитие – это такое развитие, которое ведет человека к обретению им родовой человеческой сущности. Условиями и одновременно критериями этого развития являются: отношение к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода человека (центральное системообразующее

отношение); способность к децентрации этого отношения; творческий, целетворящий характер жизнедеятельности; потребности в позитивной свободе; способность к свободному волепроявлению; возможность самопроектирования уровня будущего; вера в осуществимость намеченного; внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями, стремление к обретению сквозного смысла своей жизни» [8].

Подчеркнем следующее. Во-первых, речь в определении не о состоянии, а о тенденции, собственно развитии, т.е. не о некоем месте пребывания, состоянии, а о движении, полном риска. Поэтому важен не сам перечень выделенных признаков, атрибутов (можно, конечно, дополнить и другими), а то, ухватывают ли они, высвечивают, определяют ли общее направление пути.

И во-вторых, оценка личности в зависимости от того, как она служит своему назначению, т.е. способствует или нет приобщению человека к его сущности. В свою очередь, личность необходимо разводить, разделять с «психическим», на чем настаивал А.Н. Леонтьев, говоря о «личностном» как об особом «измерении».

Поэтому человек может быть вполне психически здоровым (хорошо запоминать, мыслить, ставить сложные цели, быть деятельным, руководствоваться осознанными мотивами, достигать успехов, избегать неудач и *одновременно быть личностно ущербным, больным (не координировать, не направлять свою жизнь к достижению человеческой сущности, разобщаться с ней, удовлетворяться суррогатами)*). Кстати, если говорить о тенденциях современного общества, то надо признать, что для все большего числа людей становится характерным именно этот диагноз: психически здоров, но личностно болен. Поэтому подчеркнем еще раз, что норма – это движение туда, а не пребывание там.

Существуют разные формы подмены человека его психологическими орудиями – подсознанием, характером, личностью. Психоанализ – это психология подсознания, идентифицируемого с человеческой сущностью; бихевиоризм – психология характера, способов действия, принимаемых за человеческую суть; гуманистическая психология – это психология личности, самости как самоцели человека; нравственная психология – это, наконец, психология человека, поскольку в ней психические орудия и инструменты даны не сами по себе, а в соотношении с тем, что их безмерно больше и чему они призваны по сути и смыслу служить.

Важно заметить, что каждое из психических образований, ставшее в центре перечисленных концепций, в ходе продуктивного развития преодолевается, «снимается» другими инстанциями: подсознание сознанием (вспомним позицию самого З. Фрейда: на месте Оно должно стоять Я); характер личностью (если подросток – сплошной характер, то

юноша – уже личность с характером, а у зрелого человека личность должна возрасти настолько, чтобы вовсе подчинить, «снять» характер. И, наконец, личность в итоге «снимается» человеком).

Личность – внутренний ключ. Сложный, уникальный, бесценный, трудно овладеваемый. Но на определенном этапе он исчерпывает свои возможности открытия и требуется новый. В этом плане личность отходит, отбрасывается, «снимается» как сослужившее, усвоенное и открывается во всей полноте то, чему она служила.

Предельное для всех и каждого услышать «Се Человек». Ни характер, ни иерархия мотивов, ни личность даже, а именно – человек. Такова точка зрения представителей *гуманитарной психологии*, представленная доктором психологических наук Б.С. Братусем и другими. Возникающая в конце XX века в РФ, открывает путь к построению ... модели и психологии.

В.П. Зинченко напоминает об очевидном, всем столь же известном, сколь часто забываемом, вытесняемом: психология есть наука о душе, которая забыла о платоновской метафоре души – колеснице с двумя конями и возницей, что правит обоими... Но что сделали психологи с ней, не они ли первыми изъяли из нее самое драгоценное – душу? Поэтому вместо метафоры души появлялись, так сказать, осязаемые метафоры: машинные, реактологические, поведенческие, рефлексологические, мозговые, компьютерные и так далее, которые создавали иллюзию объективности субъективной науки. Уже в 1916 г. С.Л. Франк с горечью констатировал: «Мы не стоим перед фактом смены одних учений о душе другими (по содержанию и характеру), а перед фактом совершенного устранения учений о душе ... Прекрасное обозначение «психология» – учение о душе – было просто незаконно похищено и использовано, как титул для совсем иной области». И все наши рассуждения о нравственной психологии – это, в конечной направленности, попытки вернуть психологии душу, точнее, осторожно и грамотно подойти к возможности и условиям этого акта возврата. Ведь и познание души разночастно, является предметом рассмотрения не только психологии, но – конечно же – теологии, философии, этики, педагогики, искусства. Психологу, как и в вопросе о человеке, важно понять, где его уровень и компетенция, как его взгляд и угол соотнесены, включены, соразмерны с другими взглядами и углами рассмотрения.

На сегодняшний взгляд понятие души, по крайней мере, двояко. Ф.И. Тютчев писал о ее «как бы двойном бытии», о том, что она «жилище двух миров». С одной стороны, *подразумевается живое вместилище, средоточие (орган) переживаний – душа, говорим мы, болит, страдает, рвется на части и даже уходит в пятки*. С другой стороны, психология не была переименована, переодета, обозначена, как эмоции, переживания, состояния и прочее (достаточно вспомнить отечественную традицию, где

понятие переживания является одним из центральных для психологии личности). А вот второе, метафизическое или философско-нравственное понимание было решительно отстранено как несовместимое с наукой и ни под каким видом не допускалось в психологию. Но ведь речь идет не о двух разных душах, а о единой, имеющей разные стороны: внешнюю – мир душевных переживаний, страстей и внутреннюю, метафизическую. Внешняя сторона не может быть полностью понята, изучена, коррелируема, воспитуема вне ориентации, учета ее сущностной связи со стороной внутренней, с вершинными проявлениями, духовными устремлениями. Или – иными словами – двойное бытие души не есть бытие, расколотое на две независимые друг от друга части, и, отделяя в исследовательских целях один мир от другого, мы должны одновременно отдавать себе отчет, что лишь в их постоянном и драматическом (подчас трагическом) соотношении, стремлении к труднодостижимому единству и состоит полнота человеческой жизни, ее сокровенный смысл. Строго говоря, душу изъяли не из психологии как таковой, а из образа человека, которому психология должна соответствовать, на который должна ориентироваться. Им стал «человек физиологический», человек рефлекторный», «человек поведенческий», «человек подсознательный» и т.п. Теперь речь лишь идет о том, что психологии пристало ориентироваться на полного целостного человека, имеющего не только тело, *сложное сознание, многообразие переживаний, внешнюю сторону души, но и ее внутреннюю сторону и высшие проявления (дух).*

А чтобы не произошло подмены, смешения психологического и, скажем, теологического нравственно-философских пониманий, можно предложить один из возможных выводов данной дискуссии: психическое (восприятие, память мышление, личность) существует, действует, развивается в конечном итоге не себя самого ради, а как аппарат, инструмент достижения человеческой сути. Этика, философия, богословие как адекватные способы, неслучайные, выверенные опытом языки выражения таковой сути составляют тем самым *важнейшее ориентирующее, рабочее условие научных и прикладных разработок, ибо последние тогда приобретают действительный масштаб и смысл в культуре, а первые – психологическое соотношение и почву. Еще раз: душа во втором (духовном) понимании не входит, не вмещается в психологию, равно как не растворяет психологию в себе; религиозно-философский и конкретно-психологический уровни несводимы друг к другу, не подменяемы друг другом, но их взаимное признание, установление связей, соотношение – условие и форма их адекватного понимания. Нравственная философия, религия отражают вертикальную устремленность человека к высшему началу* и в этом плане отвечают его насущной потребности поиска смысла жизни, неуничтожимого фактом физической смерти. Психология занята, по преимуществу, горизонтальной плоскостью – человеком как

конкретным деятелем во времени и пространстве. *Философия и религия дают предельные ответы на вопросы: «В чем смысл жизни?», «Ради чего?».* Научная психология стремится ответить на вопросы: «Как?», «Для чего?», «Каковы механизмы?». «Сопряжение вертикали и горизонтали (при всей его реальной сложности) более чем необходимо – оно неизбежно, ибо подразумевает, изнутри требует, жаждет осознания ее смысла, а смысл подразумевает реализацию, т.е. осуществленное движение в конкретном времени и пространстве» [7, с. 67–75].

В. Зинченко считает, что настало время расчищать психологию от методологических надолбов, будь то теория отражения или системный подход. До сих пор сохраняются дубовые методологические принципы, ставшие схематизмом психологического сознания. И первый из них – *принцип детерминизма*, от которого вслед за физикой отказались или значительно ограничили его влияние все науки, кроме психологии. Следующий – *принцип единства сознания и деятельности*, В. Зинченко считает, что это принцип не науки, а принцип тоталитарной идеологии. По поводу *принципа развития* возражать трудно, но возникает вопрос, как его трактовать. В нашей трактовке он практически совпал с принципом детерминизма: отрицалась спонтанность развития, о которой говорилось еще в Книге Бытия. *Принцип отражения*, по мнению В. Зинченко, противоречил не только здравому смыслу, но и марксизму, в котором все же не отрицались порождающие функции сознания. А сам принцип порожден неизвестно каким сознанием... Согласно симптому Демора (XIX в.), отсутствие зрительных иллюзий, признак глубокой степени умственной отсталости. Значит, только идиоты безошибочно отражают мир. ...*Принцип системности*. П. Флоренский писал, что система есть результат события мысли, а не ее предпосылка. Если же она предпосылка, то лучше уж суеверие, чем системоверие. М. Мамардашвили формулировал более жестко: *там, где система, там смерть*. Версию системного подхода в психологии вернее всего назвать административно-системным подходом. Но никакая методология не поможет, если в науке нет приличных теорий, с которыми можно работать. И далее В. Зинченко считает, что экспериментальная психология может помочь человеку увидеть действительные возможности построения им себя и своих функциональных органов, которое продолжается всю жизнь, показать путь этого построения: осознать нечто в себе, вынести это нечто наружу, вовне, объективировать, – и только потом этим можно овладеть. Еще старые афористы утверждали, что осознание своих недостатков – половина дела. И здесь уже речь идет о систематической экспериментатике по построению своей личности. Это и соединяет психологию и с искусством, и с культурой, и с топологией души Мамардашвили. *Психология может систематически описывать подъем человека по духовной вертикали,*

практическую деятельность по поиску себя, по поиску своей истины, по поиску своей правды, своего места в жизни [19, с. 5–23].

В контексте вышесказанного, на наш взгляд, было бы уместно психологии обратить свой взгляд в сторону опыта православной этики.

В ней уже существует путь духовного восхождения человека через всеобъемлющую любовь к ближнему, которая включает все нюансы человеческих взаимоотношений и которая сформулирована в простых и доступных словах Спасителя «иго Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мф. 11: 30).

Отличительной особенностью религиозной антропологии является то, что человек для нее – это тот, кто нуждается *в спасении, то есть в восстановлении своей связи с Богом. Богословие* смотрит на человека с точки зрения его вечной судьбы, а потому рассматривает его не просто как эмпирический факт, но исходя из божественного задания, из замысла Творца о человеке. Поэтому можно сказать, что богословский подход к человеку является максималистическим, поскольку он определяется сотериологией – учением о спасении. Вместе с тем богословская антропология (в том числе аскетическая), призванная указать человеку духовный путь в этом мире перед лицом Бога, по необходимости изучает человека *«как он есть»*, то есть изучает его актуальное нынешнее состояние. Без понимания того, как устроен реальный человек, что определяет его реальные и ценностные установки, его социальное поведение и внутреннюю жизнь, – невозможно предлагать ему встать на тот путь духовного преобразования, о котором благовествует Церковь. Ибо Церковь проповедует Христа не только как Истину и Жизнь, но и как Путь. «Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь», – говорит Спаситель Христос (Иоан. 14: 6).

Почти восемь десятилетий психологическая наука пыталась существовать без Бога. «За деревьями не было видно леса», т.е. за мудреными терминами не проглядывала душа человека. К настоящему времени в психологии доминируют три ведущие научные школы, а именно: бихевиоризм, психоанализ и гуманистическая психология.

В основу бихевиоризма было положено суждение о человеке как о животном, отличающемся словесным поведением. Так утверждал один из основоположников этого направления психологии Дж. Уотсон. Бихевиоризм есть последовательный материализм. Его терапевтический прием – поведенческая психотерапия.

З. Фрейд выделял в структуре личности «Я», «Сверх-Я» и «Оно». «Я» и «Сверх-Я» выполняют функции восприятия и контроля. «Сверх-Я» не только контролирует бессознательное «Оно», но и препятствует его проникновению в сознание.

Сопrotивление цензуре («Я» и «Сверх-Я») приводит к тому, что «Оно» вынуждено обличаться или в символические образы сновидений,

или проявляться в оговорках, описках и так далее. По мнению З. Фрейда, именно бессознательное «Оно» является истинным стержнем личности. Он утверждал, что если заняться самоанализом, то можно всегда обнаружить, что есть какая-то причина, побуждающая нас поступать так или иначе. Основные причины наших действий подсознательны. Отсюда психоанализ также рассматривает человека как высокоорганизованную особь, которая подчиняется инстинктам и у которой преобладают сексуальность и агрессивность. З. Фрейд был воинствующим атеистом, утверждавшим, что «религия – это массовое безумие». Психоаналитическая процедура может отдаленно напоминать исповедь, но без покаяния, без Бога. Фрейд не оставил и малого в личности человека для духовности.

Гуманистическая психология провозгласила главной своей идеей обращение к личности человека. Основными постулатами для этой группы психологов стали стремление к совершенствованию, самораскрытию личности. В конечном итоге эти стремления привели их к мысли, что человек – это начало и конец бытия, а его «Я» имеет абсолютную значимость.

«Только Православная Церковь рассматривает человека как бы с Божественной точки зрения, в единстве его бытия, начиная с сотворения его Богом, через грехопадение, воскресение и бессмертие, и не ограничиваясь лишь его несущественным временным пребыванием на земле в падшем состоянии осуждения и греха» [1, с. 24].

В настоящее время в психологии набирает силу четвертая «волна». Это так называемая трансперсональная психология. Ее поклонники предлагают с помощью гипервентиляции (усиленного дыхания), гипноза, специально подобранной музыки и применения некоторых психотропных веществ осуществлять так называемое «очищение души».

Названные психологические школы развивались в странах Западной Европы, но теперь активно переключиваются на все постсоветское пространство, увлекая за собой умы отечественных психологов и психотерапевтов, воспитанных в духе атеизма и материализма. Христианская православная психология пока только возрождается.

О важности изучения православной психологии иеросхимонах Сампсон (Сивере) писал: «...предмет “Православная психология”, который анализировал бы *психологию страстей греховных, склонности к ним, виды их проявлений, корни их и происхождение, и невольно бы научал пастырей быть лекарями грехов и пороков кающихся, и смог бы наглядно и убедительно приводить к покаянию, т.е. которое не есть осознание наименованиями греха, но есть жительство, перерождение сердца с принесением плодов осознания греха» [1, с. 26–27].*

«Психология святоотеческая – это откровение новой жизни. Это проникновение в такие уголки и глубины человеческого духа, которые никакому психологу со всеми его тонкими инструментами не под силу.

Вхождение в изучение святоотеческой психологии – это вхождение в необозримое и бездонное море духовных откровений и осияний. Ученые в уме, чувстве и воле видят лишь один определенный аспект – греховный, противоестественный; для них самих, впрочем, нормальный.

Святые же отцы, когда рассуждают о разумной, раздражительной и вождевательной силах души, рассуждают не только в отношении плотского человека, но и борющегося со страстями, и даже святого. Они изучают духовную жизнь в трех срезах (духовном, душевном, плотском), по трем сторонам (способностям), сразу с девяти точек зрения! Не говоря уже про бесчисленные переходы между ними и оттенки» [1, с. 28–29].

«Исповедуйте друг друга», – сказал святой апостол Иаков. В сущности человека заключается тайная, но настоятельная потребность быть прямо на виду у человека, чтобы по крайней мере один из подобных нам знал все то, что скрывает в нас нужда и искушения. На это нас толкает не откровенность, но глубокая потребность быть понятым, облегченным, утешенным; и разве мы не знаем, сколько благотворного и спасительного в подобных признаниях? Разве мы не знаем, что некоторые искушения, окружающие нас, неопределенные и смутные, теряют свою силу и прелесть от одной только передачи их словами? Разве мы не знаем, сколько может дать нам силы и утешения выслушивающее, понимающее нас благовоспитанное сердце?

Психотерапия, пытающаяся различными способами помочь мятущейся душе, насчитывает сегодня порядка тысячи психокоррекционных техник, но количеством качества не подменить. Истинное излечение от душевной скорби может произойти только через покаяние, которое требует духовных усилий и непривычно для немалой части наших современников, в том числе и врачей.

Для человека, посвятившего себя *психологии, психотерапии, важно иметь собственные духовные ценности*, которые определяли бы его работу с пациентами.

Без собственной православной Духовной платформы он не сумеет отличить ситуационные (психосоциальные) и биологические причины заболеваний от экзистенциальных, мировоззренческих.

Психолог или психотерапевт не подменяют собой священника, он лишь предшествует ему, иногда представляя собой «заслон», препятствующий пациенту впасть в еще большие искушения и проблемы – пьянство, блуд, самоубийство. Цель православного пастырства – спасение души, а православной психологии, психотерапии – врачевание души.

Пастырь и врач, в данном случае, – соработники Бога в деле душепопечения.

Важной задачей в настоящее время является возрождение духовных традиций в медицине и психологии.

Святоотеческое наследие – основа психологии и психотерапии. Святителю Луке (Войно-Ясенецкому), доктору медицинских наук, принадлежат следующие слова, касающиеся психотерапии: «Психотерапия, состоящая в словесном, вернее духовном воздействии врача на больного, – общепризнанный, часто дающий прекрасные результаты метод лечения многих больных». Здесь следует выделить важный момент: суть психотерапии заключается, действительно, более не в словесном, а в духовном воздействии. Больные психотерапевтического профиля – это совершенно особенный контингент. Их страдания нередко связаны с моральными конфликтами, семейными неурядицами, переживаниями после тяжелых болезней, духовными поисками. В глаза врачу, как правило, смотрит человек, который испытывает дефицит любви, взаимопонимания, поддержки со стороны близких.

Лечебное психотерапевтическое воздействие должно иметь иерархию целей: от *ближайших* (успокоить, вселить надежду) до *главных* (*внутренний рост и развитие, обращение к непреходящим ценностям*). В противном случае психопрактика может стать небезопасным манипулированием душами людей или принесет лишь «косметический» эффект.

Воронежский доктор В.К. Невярович метко определяет, что процесс психотерапевтической беседы можно сравнить с неким поступательным движением. Картой, с которой мы сверяем правильность нашего курса, является Евангелие, а целью – Сам Господь Иисус Христос. Начало движения – то место и состояние больного, в котором он пришел на прием.

Московский православный психотерапевт Н.Д. Гурьев, работая с пациентами, подводит их в процессе психотерапии к принятию тезиса о том, что «счастье человека зависит от его нравственности».

Психопрактика может помочь человеку лучше понять себя, свое душевное состояние, глубже оценить ту или иную конфликтную ситуацию, успокоиться.

Однако никакой психотерапии не под силу преодолеть в душе человека грехи и страсти, это, при условии его духовных усилий, возможно только Богу. Психопрактика, основанная на христианских ценностях, не имеет в своем арсенале медитативных техник, гипнотических трансов, несущих разрушение душе. Специалисты, соприкасающиеся с душой человека, должны иметь чувство благоговения, ибо каждый человек – обладатель величайшего дара Божиего – святости души, которая есть образ и подобие Творца.

Г Л А В А 4

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЛЮБВИ

Любовь разделяет участь всех чувств, которую можно выразить словами древнекитайского мудреца Лао-Цзы: «Знающий не говорит – говорящий не знает».

Глубинной основой человеческой жизни являются эмоции и чувства, сколь бы самонадеянный разум ни заявлял о своих правах и своем превосходстве над ними. В них – изначальная, фундаментальная и самая существенная связь с миром, природой, людьми, Богом. У чувств иная «логика», чем у разума, более тонкая, неуловимая и парадоксальная, и что важнее всего это «логика свободы». Очарование, прелесть чувств – в их спонтанности, произвольности, загадочности – одним словом, в их внутренней свободе. Это стихия, прежде всего бессознательной психики, попадающей в сферу сознания лишь вторично и ускользающей от контроля разума. Мы можем загнать их внутрь, упрятать на самое дно оскорбленной или непонятой души, мы можем скрывать их от следящих глаз, бдительного надзора и дальних людей. Оттого их спонтанная сила лишь возрастет и может привести к неврозам, крушению личности и даже физической гибели человека.

Никакой здесь мистики нет. Сила чувств – это сила самой природы. Она мудро хранит эту тайну от дерзкого человеческого разума и прихотей блуждающего сознания, которые легко могли бы внести хаос в ее извечную гармонию.

Разве недостаточно того, что уже повсеместно изранен ее внешний лик и оглушительная деятельность продолжается в состоянии «бодрствующего дремлющего сознания» человечества. Если бы человек не мнил себя «господином природы», но «кровным сыном» ее, он более чутко прислушивался бы к ритму «ее дыхания» и биению «ее сердца».

Чувства – это интимный язык, шифром к которому отнюдь не являются слова, равно как разум не может быть их «ревизором».

Иные рассудочные люди (чаще трезвомыслящие мужчины, а иногда и женщины) так «просчитывают любовь», что от нее ничего не остается. Рассуждают примерно таким образом: ничего загадочного в любви нет, все очень просто, встретились – понравились, испытали друг друга в обладании, подошли – остались вместе, нет – разошлись. Вот и все! Какие еще тайны? Надоели друг другу – тоже разошлись. Ищут других партнеров. Никаких трагедий никаких неудобств. Голый рационализм по черно-белой логической схеме. Да... Но только любовь-то здесь ни при чем! Отнять радость и красоту жизни, полноту и насыщенность ее бытия, подаренные нам Самим Богом и бережно охраняемые Им от «лововых атак» разума! Не этим ли одиозным рационализмом питалось и поныне

питается вдохновение «гонителей и надзирателей любви»? Не отсюда ли проистекает простодушно-наивная уверенность или бездушная убежденность в том, что соображения целесообразности, рассудочные аргументы, требования социальных институтов или нормы человеческой морали могут приглушить любовь и смягчить ее страдания?

Любовь – это особый порядок бытия, не сводимый к разуму. Как из всех тел в природе, писал Б. Паскаль в «Мыслях», нельзя вывести «ни малейшей мысли», так из всех умов, вместе взятых, нельзя получить ни крупицы любви, ни истинного милосердия. Сам по себе ум «бездушен» – «согревается» ум лишь чувствами. Сила любви превосходит силу самого изощренного и тонкого ума, ибо ее природа глубже природы ума. «Ум всегда в дураках у сердца», – не без сожаления говорил Ларошфуко. Кстати, женщина сказала бы то же самое не без чувства удовлетворения.

Любовь – это самая сложная, таинственная и парадоксальная реальность, с которой сталкивается человек – «ни просчитать, ни вычислить» любовь нельзя! В любви невозможно быть расчетливым, мелочным и бездарным – здесь требуются щедрость и талантливость, зоркость сердца, широта души, добрый, тонкий ум и многое-многое другое, чем в изобилии наделен человек и что неразумно растрчивает и притупляет в своей суетной жизни. Очень хорошо об этом сказал Ф. Тютчев:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..
Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей...
Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!..
И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

Так, по легкомыслию и эгоизму человеческому любовь-счастье превращается в любовь-проклятие. Сколько гимнов сложено любви! Ее лучезарный лик воспет в музыке, поэзии, живописи и даже философии.

И вместе с ней связывается всяческое зло в мире. В каких только преступлениях не обвиняется любовь!

«От любви бывает мор, мрак, морока и позор», – приводит Стендаль в своем романе «Красное и черное» слова из «Гербовника любви». Сколько обвинений, сколько проклятий любви с тех пор, как свет стоит! Любовь рассматривается, как «демоническое начало», как темная, зловещая, «адская» сила, выходящая из-под контроля человека, его сознания, разума, нравственных чувств. Но если мы признаем абсолютные нравственные ценности, то на первое место среди них надо поставить любовь. По природе своей она есть светоносное начало, озаряющее жизнь человеческую «ярче тысячи солнц». Любовь абсолютное благо, как доброта, совесть, правда, сострадание, милосердие – все это человеческие нравственные ценности, в высшей степени положительные и созидательные. Недаром любви противостоит ненависть как абсолютное нравственное зло – источник вражды, разрушения, обиды, унижения, преступления.

Нет и не может быть безнравственной любви! И не она повинна в преступлениях человеческих, хотя бы люди и связывали их с любовью. Да, есть несомненная связь между, например, любовью аббата Клода Фролло (одного из действующих лиц романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы») и его преступлением – убийством любимой им Эсмеральды, но связь, безусловно, не причинно-следственная. Разве он убил ее «из чувства любви», а не из чувства ревности и ненависти к ее избраннику? Обыденное сознание часто смешивает простую временную последовательность с причинно-следственной зависимостью. Отсюда происходят и легенды о злодеяниях любви. Но разве любовь повинна в том, что нежно, но страстно (что не является определением истинной любви) любивший Отелло убил преданную ему Дездемону? А неистовый (то есть страстный, обезумевший) Рогожин тоже якобы «во имя любви» убил Настасью Филипповну? Обратимся к более близкой нам реальности. Разве любовь виновата в том, что отец покидает своих детей, а мать отрекается от новорожденного, даже если они действительно любят друг друга и хотят устроить свою личную жизнь? Нет, а скорее эгоизм и безответственность, практицизм и духовная незрелость или ущербность, но не любовь, которая является причиной преступлений «во имя любви». Не любовь безнравственна, а человек с его пороками и недостатками: эгоизмом и корыстолюбием, безответственностью и безволием, ненавистью и злобой, ревностью и чувством собственности, жестокосердием и бездуховностью. Нет, не «во имя любви» совершаются преступления, а вопреки любви! Отелло вопреки любви убивает Дездемону, а причин здесь несколько: это и козни Яго, и ревность Отелло, и обманутое чувство доверия, и желание наказать за обман. Но только не любовь! Любовь (в истинном ее понимании и определении, данном

в Евангелии) не убивает, а спасает. И народ это знает лучше всего, наделяя в своих сказках влюбленного светлой и могучей силой, помогающей ему преодолеть все препятствия и победить всех врагов: и Змея Горыныча, и Кошеля Бессмертного, и Бабу-Ягу, и вообще всякую «нечистую силу». Мудрость народная далека от понимания любви как «демонического начала» и не возлагает вину за преступления на любовь. Напротив, «поцелуй любви» разрушает злые колдовские чары, а сила любви утверждает на земле Правду, Доброту и Красоту. Любовь – вечная связь между людьми. Она – глубинный зов к гармонии, единству, целостности, полноте, совершенству, согласию: любовь не знает мести, а дружба – лести; любви золотом не купишь; ум истиной просветляется, сердце любовью просвещается.

Отдельно надо сказать о ревности – этой якобы «законной спутницы любви». Что тоже является большим заблуждением человека и отодвигает не на один порядок дальше от понимания истинного смысла любви. Даже в Уголовном кодексе ревность рассматривается как «смягчающее обстоятельство» в «любовных преступлениях», а надо в ней видеть «отягощающее обстоятельство». Ревность, какие бы корни она не имела, есть культурный феномен, а точнее, нравственный порок. Ревность – спутница не столько любви, сколько духовной ущербности человека или же самих любовных отношений. Ревность – это духовное насилие, переходящее нередко в физическое, и характерна для человека эгоиста, рассматривающего других людей в качестве средства для своей жизни, а не как ее цель. Испокон веков эгоизм считается «глубинным корнем» едва ли не всех пороков человека. Любовь эгоиста изначально ущербна в силу его неспособности понять и принять абсолютную ценность другого человека и забыть о себе ради него. Любовь-агапе (братская любовь) – одна из необходимых ипостасей подлинной любви – чужда натуре эгоиста. Зато ревность прямо вытекает из нее, но она бесполезна и бессмысленна, поскольку не несет в себе положительно-созидательного начала.

Любовь не просто дар, но и великое искусство, требующее, во-первых, осознания того, что любовь можно и уже насущно необходимо воспитывать в человеке (Евангелие) и, во-вторых, что любовь есть основа всякой человеческой личности, на которой своими руками можно создать и мрачную тюрьму, и ветхую и жалкую лачугу, подвластную всем ветрам и непогодам, разрушающуюся день ото дня и, наконец, гибнущую от очередного порыва ветра. А можно создать храм, высокий и светлый, устремленный к солнцу и звездам, источник радости и счастья. Это и есть «культура любви», ее возделанность, воспитанность, сотворенность, развитость, «вочеловечность». Как основа жизни любовь первична, все остальное вторично. И труд во имя любви это прежде всего «труд души», потому что человеческая любовь изначально духовна и только потом телесна. Вот почему истинная любовь не спешит с обладанием, а сначала

насыщается духовно, любясь и наслаждаясь душой другого человека. «Лик любви» первозданно хрупок и прозрачен, как аромат ранней весны, чист, как первый снег, и свят, как лица мадонн Рафаэля, лики Богородицы и святых не на словах, а ценой своей жизни познававших и воспитывавших любовь в своем сердце. Само ощущение тела наполнено этим благоуханием весны. Это утро любви – самый возвышенный ее праздник. Вся магическая сила любви, ее жизненный нерв и творческий импульс – в ее высоком начале и его продолжении.

Как твой лик высок и светел!
Как я долго ждал тебя!
Прежде, чем тебя я встретил,
Я предчувствовал тебя.

Так писал Ф. Гельдерлин о своей единственной и вечной возлюбленной Сюзетте Гонтар, которую он называл Диотимой по имени «жрицы любви» из диалога Платона «Пир». Если в душе человека вызревает светлый образ любви, такой человек не будет «всеядным», не разменяет свою мечту по мелочам и не пустит по ветру всей своей нерастроченной души. Он будет беречь себя для единственного человека, который один в целом свете откликнется на его призыв. Недаром Платон в мифе об андрогинах дает прекрасное обоснование единственности в любви. Неисправимый идеалист Платон провозгласил тот самый идеал любви, которому служили Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Руслан и Людмила. Это наш исконный европейский идеал в любви между мужчиной и женщиной, во многом забытый и поруганный. А когда-то им вдохновлялся «средневековый» рыцарь Дон-Кихот, его воспели Данте и Петрарка, немецкие романтики и русские символисты, о нем грезил пушкинская Татьяна Ларина, нежные и хрупкие героини Тургенева и Чехова.

Подлинный пример любви, переродившейся из телесного влечения в любовь духовную, показал Г. Сенкевич в своем романе «Камо грядеши»: «...Эстет Петроний тщетно пытался увидеть в Лиги и ее былую прелесть и, пожимая плечами, думал, что эта тень с Елисейских полей, пожалуй, не стоила тех усилий, страданий и тревог, которые едва не свели Вениция в могилу. Но Вениций, любивший теперь ее душу, тем паче любил ее и, оберегая ее сон, чувствовал себя так, будто оберегает целый мир».

Кульτ чувственности

Подобно затухающему свету звезды, идеал этой любви получил отблеск и в нашем веке, пока не был сметен победным шествием сексуальной революции, провозгласившей «плюрализм любви». На смену духовному культу Вечной женственности, которому служили В. Соловьев, А. Белый, В. Брюсов, А. Блок, пришел телесный культ секса. «Служителей секса» – миллионы и миллионы, тогда как у «алтаря любви» лишь

единицы. Верность влюбленных друг другу, святость семейных уз теперь рассматривают чуть ли не как смешной анахронизм и считают старомодными, как вещи из бабушкиного сундука, а подлинная любовь подобна лучу света в «темном царстве нелюбви». Секс обслуживают различными теориями «сексуальной революции» и «свободной любви», а также мощной «сексуальной индустрией». Современное развитое человечество, создавшее себе сказочный комфорт во всех областях (на фоне другой части человечества – голодающей, болеющей и преждевременно умирающей!), дальше, чем когда бы то ни было, отстоит от такой трудной, сложной и трагической реальности, как любовь. Привычка к комфорту не может не ослаблять творческий потенциал жизни, волю к преодолению, динамизм стремлений, остроту интеллекта, свежесть чувств. Лишь единицам удается вырваться из «сладких объятий» этой губительной привычки. «Монстр потребительства» преследует современное человечество, разъедавая души и калеча судьбы людей. Не есть ли это самое отрицательное следствие научно-технического прогресса? Мало кто ищет любви сегодня, зато многие ищут удобств, выгоды и наслаждений. Агрессивная «деструкция любви» связана не только с потребительством, но также с развенчанием «святости», экзистенциальной уникальности, человеческой самобытности и глубинной интимности любви. Все это брошено в жертву групповому сексу, порнографии, проституции, самым диким «экспериментам» в области любовных отношений и переживаний. Пресыщенное человечество подхлестывает себя алкоголем, наркотиками, физиологической экзотикой, крикливой рекламой секса и его «сподручных средств» массового производства, безудержной гонкой за «максимумом наслаждений». Теперь уже пришла пора, когда у молодежи чувства, не успев возникнуть, уже удовлетворяются. Все более и более молодые люди вступают в сексуальные отношения без малейшего представления о любви, однако называя «это» любовью. И прав оказывается Ларошфуко, заметивший: «Любовь одна, но подделок под нее тысячи». В этой связи стоит вспомнить еще один афоризм, ставший особенно актуальным в нашем веке: «Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел», и хочется добавить еще – мало кто ее способен найти.

Недопустимая раскованность, а сейчас уже и распущенность в пропаганде секса, демонстрация сцен интимной жизни в сексфильмах, культ изощренной эротики приучают современного человека поклоняться «тому» в любви, что в ней является вторичным и подчиненным духовно-нравственному началу.

Практика «сексуальной раскованности» была теоретически обоснована социологами, психологами, врачами на Западе, видевшими в подавлении человеческой сексуальности источник невротизации населения, половых извращений, проституции любви. Результат

распространения концепции «сексуальной революции» оказался неожиданным для их авторов, обернувшись вульгарно-гедоническим истолкованием их идей. Увы, хотели как лучше, но получилось, как всегда! Подмена любви сексом, внешнее общение между людьми вместо внутренней гармонии, «рынок любви» вместо «храма любви» – вот реалии жизни современного человека, которые бумерангом к нему же самому и возвращаются, возвещая кризис и конец чувственной культуры.

Культура любви

Истинная любовь не терпит суеты и безответственных незрелых решений. Она в ответе за себя и за другого, в бескорыстном служении которому она видит свою высшую цель. Потому она трудится неустанно и создает чудо перевоплощения одной души в другую через искусство быть самим собой и другим.

Простор для любви создают взаимодополнение и взаимообогащение любящих на основе индивидуальности каждого. Противоположности притягиваются, как бы «достраивая» друг друга и порождая жажду другого как «своего иного», без которого «мое» неполно, бедно, недостаточно и несовершенно. Расцвет собственной личности мыслится в любви к другому человеку. Отсюда переживание абсолютной необходимости его для меня, любовной тоски по другому в разлуке, желание никогда с ним не расставаться, жажда слияния с ним и надежда на «вечное» блаженство только с ним. Истинную сущность любви Гегель видел в том, чтобы «забыть себя в другом Я и ... в этом забвении впервые обрести самого себя». Такая духовная «надстройка» над физическим влечением к другому человеку отличает любовь от него.

Этим духовным устремлениям соответствует отнюдь не кратковременная любовная связь, а скорее долговременное супружество, верность в любви, устойчивость чувств. Прав Л. Фейербах, который считал семью формой реализации не только любви, но и самого человека: «Только муж и жена вместе образуют действительного человека», без чего каждый представляет собой лишь «частичное существо». А если супруги к тому же умеют позвать друг друга «в даль светлую» и не замыкаются в кругу своих узких интересов, будучи связанными со своей эпохой, народом, человечеством в целом, то их любви есть чем дышать: она не погибнет от скуки и пошлости жизни. Эмпирически давно замечено, что полнота и содержательность половой любви зависят от широты сферы неполковой любви. Чем значительнее горизонт этой последней (любовь к людям, родине, природе, музыке и т.д.), тем ярче, выразительнее, духовно богаче и половая любовь. Культура любви прямо зависит от общей культуры человека и прежде всего от его нравственной и эстетической культуры. Каков человек, такова и его любовь.

В.А. Сухомлинский был убежден в необходимости «воспитания любви». «Любовь человеческую необходимо воспитывать, творить, она не

передается по наследству, как передается инстинкт продолжения рода». Человек в любви подобен скульптору, творящему из куска мраморной глыбы прекрасный цветок «внутренней человеческой красотой и талантом. Вот эта рукотворная красота и есть человеческая любовь». Кто не понял этой «работы любви», тот представляется ему «первобытным существом, одетым в звериную шкуру, которое смотрит на глыбу мрамора и не знает, что в таинстве глубин этого куска спрятана чудная красота». Говоря далее о семье, Сухомлинский предостерегает молодых: «Если нет ничего, кроме полового влечения, то в супружеской жизни будет только умение рожать детей. Для этого большой мудрости не нужно – квочка тоже выводит цыплят, этому научила ее природа. Дети – не цыплята, и если их родит существо, мудрость которого идет не дальше мудрости квочки, то это несчастные дети».

Особую роль в воспитании любви, по Сухомлинскому, играет Женщина, для которой недопустимы морально-эмоциональное невежество, распушенность и бездумность. Сама природа повелевает Женщине быть «сильной духом, мудрой, осмотрительной, осторожной, требовательной». Женщина не только мать детей, но и воспитательница Мужчины, ибо «мужество, бесстрашие, сила духа Женщины творит духовное благородство, красоту, верность Мужчины». В отличие от древних греков, связывавших духовность любви с Мужчиной, Сухомлинский возлагает надежды на Женщину. Отсюда и культ рыцарского отношения к Женщине в его педагогике. Он считал, что Мужчина должен понимать, что «Женщине труднее», и быть рыцарем. Он видел в Женщине не только «Мать человечества», но и хранительницу человеческой морали и домашнего очага. При этом он отмечал большую ответственность Мужчины за семью, жену и детей и воспитывал в мальчиках чувство долга, мужское достоинство, бесстрашие, порядочность, верность слову, духовное мужество, физическую выносливость. Он понимал любовь как нравственный подвиг, связанный с человеческой верностью и памятью сердца до самого смертного часа.

Во всякой человеческой деятельности есть разные степени одаренности, начиная от полной бездарности и кончая гениальностью. Так и в любви есть своя одаренность и свой особый гений – высшая степень творческой уникальности в любви. Для гения любви есть одна любовь, как «горная вершина жизни», как ее глубинный смысл и вечный огонь, который не может погасить даже смерть. А.И. Куприн в повести «Суламифь» устами мудрого Соломона говорит юной Суламифи: «Дитя мое, тысячи раз может любить человек, но только один раз он любит». А в повести «Поединок» офицер Назанский выражает высокое представление о любви самого автора: любовь – «удел избранных ... все люди обладают музыкальным слухом..., а один из них Бетховен. Так во всем: в поэзии, в искусстве, в мудрости... И любовь имеет свои вершины, доступные лишь

единицам из миллионов». Гений любви остается в веках, как легенда, как пророчество, как далекая звезда, таинственный свет которой притягивает сердца всех последующих поколений. Такова любовь Данте к Беатриче, о которой он поведал миру в своей «Божественной комедии»; или любовь Петрарки к Лауре, породившая «Книгу песен» о любви; или любовь индийского шаха Джахана к своей жене Мумтаз, беспримерным памятником которой является знаменитый Тадж-Махал (Корона моголов). К идеалу любви тянутся многие, но приближаются к нему лишь единицы. Гений любви и есть этот идеал, выпестованный народной мудростью и провозглашенный лучшими представителями культуры.

Как и у всякого гения есть не только высшая одаренность, но и упорный труд, так и гений любви осуществляет себя в реальной и неустанной работе. Любовь – особый творческий дар человека. Жить любовью значит просто жить по-человечески: вдохновенно, творчески и радостно. Это нормально и естественно, как дышать свежим воздухом и пить чистую воду. Но по иронии истории, человечество, чем более живет, тем дальше уходит от этой нормы.

Но история знает и примеры сочетания гения любви с гением творчества, которое Антонио Вивальди обусловил как страстный, динамичный, бурный и вместе с тем проникновенно лирический и трогательно трепетный характер его музыки. Гением любви был одарен и Бетховен, взлелеявший в глубине своей мужественной, нежной и горестной души образ великий и оставивший нам загадочное письмо к Бессмертной возлюбленной, так и не отправленное ей. Уникальный памятник жене, Анне Григорьевне, оставил Ф.М. Достоевский – целый том удивительных писем к ней, писем «вечно влюбленного мужа». Женившись вторично на молоденькой стенографистке Анечке Сниткиной, опаленный жизнью писатель не слишком надеялся на счастье (разница в возрасте была огромной). Но оно состоялось! Они оказались идеальной парой, прежде всего потому, что превосходно дополняли друг друга и умели поистине вдохновлять друг друга на жизнь, любовь и творчество. Тончайший живописец души человеческой, Достоевский так писал жене в начале их совместной жизни: «Мне бог тебя вручил, чтоб ничего из зачатков и богатств души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно взросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил, представив тебя богу развитой, направленной, сохраненной, спасенной от всего, что низко и дух мертвит...» [16, с. 10].

Гений любви реже встречается среди ученых и философов, особенно рационалистического склада души. Но эмоционально одаренные были и среди них. Из философов это, например, Августин, Паскаль, Шеллинг, Соловьев. Более счастлив был Шеллинг, который полюбил «музу немецкого романтизма» Каролину Шлегель. Она стала не только его женой, но и «верной и вечной возлюбленной», его другом и магическим

вдохновителем его философского творчества. Смерть рано отняла ее у любящего мужа, написавшего на могильном камне: «Бог дал мне ее, смерть не в силах ее похитить». Каролина навсегда осталась «горной вершиной» его личной жизни.

Искажения любви

Любовь многообразна. Во все времена выделяли любовь эротическую, любовь к самому себе, любовь к человеку и Богу, любовь к жизни и родине, любовь к истине и добру, любовь к свободе и власти и так далее. Есть также любовь романтическая, рыцарская, платоническая, братская, родительская, харизматическая и прочие. Выделяют также любовь-страсть и любовь-жалость, любовь-нужду и любовь-дар, любовь к ближнему и любовь к дальнему, любовь мужчины и любовь женщины. Все эти виды и направления любви имеют право быть в жизни человеческого общества. Вопрос заключается в том, есть ли истинное определение любви и как по отношению к этому определению отстоят производные. Это очень важно, так как определение – это тот компас, который либо выводит человека к истине, либо еще дальше увлекает в дебри собственных страстей. Поэтому, говоря о видах любви, хочется еще раз подчеркнуть, что истинное определение любви дано в Евангелии. Истинность его заключается в том, что оно дано Тем, Кто и есть сама любовь – Богом. Все другие определения являются лишь жалкой подделкой под Него и появляются потому, что человеческая гордыня, наипаче выражающаяся в обожествлении собственных способностей и, особенно, ума (горе от ума), увы, не подталкивает человека, хотя бы из простого любопытства, попробовать понять и на примере собственной жизни испытать то, что завещал нам Спаситель и ради чего Он пошел «на Крест». Поэтому точное определение любви надо искать в Евангелии, а подтверждение истинности его в жизнеописании святых Отцов, которые примером собственной жизни растили, воспитывали это великое первоначало человеческой жизни – любовь. И всякое другое определение, данное от человеческого ума и взлелеянное его гордыней и самонадеянностью, приводит к тому, что страсть и пристрастие – это тоже любовь. А на самом деле – это духовные болезни, связанные с культивированием эгоцентричности. Пристрастие делает любимого человека, да и вообще, предмет своей любви кумиром, где целью являются не сам человек и предмет, а те чувства и эмоции, которые с ним связываются, во-первых, а во-вторых, кумиротворение осуществляется за счет других, так что другие – и чем сильнее пристрастие, тем это обычнее – становятся предметом безразличия в лучшем случае, а при особых обстоятельствах – и предметом ненависти. Пристрастия могут иметь как индивидуальный характер, так и общественный. Например, пристрастная мать, которая своей не здоровой любовью делает ребенка не состоятельным в жизни; пристрастие квази-националистическое, или сословное, являющееся причиной войн; пристрастие к вещам, которое

делает человека рабом их, а иногда и преступником; в духовной жизни это может быть пристрастие к наставнику, что Игнатий Брянчанинов называл чувствами падшего естества, а не благоразумием и духовным разумом; и прочие виды пристрастий, которые всегда обнаруживаются, когда есть кумиротворение («Не сотвори себе кумира на земле»).

Подлинная любовь, особенно если она изначально основана на любви к Богу, расширяет сердце человека так, что оно становится способным вместить весь мир; любовь пристрастная сужает сердце человека так, что оно оказывается способным вместить только предмет пристрастия, и тогда любовь оказывается по своей природе искаженной и греховной. Так, супружеская любовь, в которой, кажется, нет ничего прямо греховного – ни прелюбодеяний, ни чрезмерно сильных плотских стремлений между супругами, становится нечистой, когда весь мир ограничивается пределами одной семьи. Чем сильнее отсекание иных связей, вплоть до сведения их к формальному и житейскому минимуму, с одной стороны, а с другой – чем напряженней момент ожидания сердечной радости от предмета, имеющего сверхценную значимость – муж, дочка, нация, вера и так далее – тем больше оснований говорить о нарушении второй ветхозаветной заповеди о сотворении кумира. В сердце воздвигается кумир, и ему приносятся жертвы квази-религиозного характера, и в личности совершается активно или пассивно разрушительная работа, тем более что сердцу, в котором поселился кумир, Бог не только перестает быть необходимым, но и становится ненужным, а то и ощущаемым враждебно, как помеха к исключительному общению с кумиром. Но это-то и значит, что любовь становится мнимой, подмененной, потому что источником подлинной любви может быть только Бог.

Любовь к Богу или влечение к жизни

Любовь к Богу была, есть и будет одним из самых глубоких человеческих чувств. Эта и только эта любовь источник подлинной жизни, свободы и красоты. Эта любовь может достигать такого накала, что становится доминантой жизни человека и пересиливает все его страсти, включая эротическое влечение и саму любовь к жизни.

Любовь к Богу в своей основе и в своем истоке есть любовь к отцу и создателю и, значит, в конечном счете – «превращенная» форма любви к человеку.

Яркое описание глубины и силы «святой любви» к Богу дает М. Шелер: «...люди, переполненные ею, выносят любую боль и саму смерть не с неохотой и терзанием, но охотно и с блаженством. Это не те, для которых жизнь не была бы большой ценностью, – ибо как можно было бы ею «пожертвовать»? Но те, которые любят ее как великое добро и отличаются единственным – еще больше любят что-то иное; это люди, которые выносят боль, не будучи к ней нечувствительными; люди, у

которых, однако, «терпению» боли – благодаря любви и верности, возникающим у них в ответ на что-то святое, – сопутствует счастье, в блеске которого все радости и все блаженство жизни бледнеют и теряют свое значение... Эти люди добровольно решаются на смерть, принимая ее не как «зло», каковым она несомненно является в отношении жизненных ценностей, но как лучезарную возлюбленную и нареченную». В житиях святых православия таких примеров можно найти множество. Это и пример святителя Николая архиепископа Мир Ликийских: «...святитель Николай вместе со многими христианами был заключен в темницу. Он стойко переносил голод и жажду, ободрял узников, убеждал их не страшиться мук и до конца исповедовать святую веру. Святитель готовился к мученической смерти, но Господь сохранил Своего избранника». Или пример одного из любимых святых России батюшки Серафима Саровского, который стал готовиться к своей кончине, к блаженной вечности, куда он стремился всю жизнь. Он все реже выходил из келии и все меньше принимал у себя. В то время его часто видели у гроба, стоявшего в сенях его келии и приготовленного им для себя. Преподобный сам указал место, где следовало похоронить его, – близ алтаря Успенского собора. «Жизнь моя сокращается, – говорил он некоторым, – духом я как бы сейчас родился, телом ко всему мертв». Или пример жизни американца Евгения Юджина, родившегося и выросшего в типичной американской семье, ставшего православным монахом с именем Михаил Роуз: «После первого посещения православного храма Евгений (имя в миру) как бы родился заново. И хотя служба велась на непонятном ему языке, он внутренне почувствовал, что именно здесь происходит постижение истины во всей полноте.

После первого Причастия он сказал: “Я переродился в Господе”. Он на несколько дней отказался от пищи, чтобы не нарушать сладости Причастия, почитая ее за особую милость Божию». И таких примеров в православной культуре можно найти множество.

Шелер ссылается на самые высокие образцы такой любви. Однако названные им черты в той или иной мере присущи всякой любви к Богу, даже если она не носит характера самопожертвования и не относится к высшим духовным ценностям.

В любви к Богу всегда чувствуется сильное дыхание «космической любви», ощущение того, что человек связан со Вселенной, что он как-то отражается в ней, а она в нем. Любовь к Богу иногда сравнивается с состоянием опьянения или голода, а вторжение божественного переживается как утоление жажды и насыщение. Любовь человека к Богу не является результатом рассуждения или анализа. Она возникает в глубинах человеческой души и не допускает, как и всякая любовь, чрезмерной рассудочности.

ДА, ПО ДЕЛАМ, ДА, ПО ДЕЛАМ С НАС СПРОСИТСЯ,
Как не маскируй все в слова хитро...
По утру рано жены-мироносицы
Несли к могиле Господа миро.

Они остались верными Спасителю,
И истина всегда во всем проста:
Одни несут доянья победителю,
Другие – Сыну, снятому с креста.

В трагедии рождается прозрение –
Быть преданным до самого конца.
Какое нужно высшее смирение –
От падшего не отвратить лица.

Не убежать от грозно осужденного,
Не впасть, играя, в транс и забытье,
Омыть от крови тело сокрушенного,
Свое подвергнуть риску бытие.

И что, и как плетет разноголосица –
Знаменье Божье нам не изменить:
Путь к Богу выпал женам-мироносицам,
И просто так его не заслужить.

Евангелий постигая откровения,
Я мыслию всё больше просвещен:
Есть тлен и прах трусливого забвенья,
Есть верность верных мироносиц-жен.

В.А. Моляко

Это хорошо чувствовали религиозные мистики, подчеркивавшие, что, как бы ни были ясны отдельные ступени, по которым восходит человек к Богу, последний шаг на этом пути всегда останется тайной, недоступной человеческому уму. Это великий путь веры, любви и смирения. В любви человека к Богу определенно есть мистический, недоступный разуму элемент, и в ней он выражен, пожалуй, сильнее, чем в любой другой любви.

Итак, если подвести итог, то окажется, что то разнообразие видов любви, которое человек выделяет в своей жизни, скорее всего, не правильно понятые чувства, ничего общего с истинной любовью не имеющие, в лучшем случае, а в худшем – являющиеся духовной болезнью. Но понять это и принять, не имея четкого определения любви, нельзя.

Надо сказать, что это четко прослеживается в произведениях гениального У. Шекспира. Сошлемся лишь на некоторые его толкования любви. Он указывает особенности возрастной и социальной динамики межполовых отношений. В классическом произведении «Гамлет» сын (Гамлет) поучает мать (королеву):

«...Ваш первый муж. А он же и второй.
Он – словно колос, пораженный порчей,
В соседстве с чистым. Где у вас глаза?
Как вы спустились с этих горных пастбищ
К таким кормам? На что у вас глаза?
Ни слова про любовь. В лета, как ваши,
Живут не бурями, а головой...
...Стыдливость, где ты? Искуситель-бес!
Когда так властны страсти над вдовою,
Как требовать от девушек стыда?
Какой пример вы страшный подаете
Невестам нашим!...
...Валяться в сале
Продавленной кровати, утопать
В испарине порока, любоваться
Своим паденьем...»

Остановимся на некоторых сонетах¹:

Сонет 116

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь – над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане.
Любовь – звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

Любовь – не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.
А если я не прав и лжет мой стих,
То нет любви – и нет стихов моих!

¹ Шекспир, У. Сонеты: [пер. с англ.] / У. Шекспир. – М.: Эксмо, 2014. – 336 с. – (Народная поэзия).

Сонет 118

... Но понял я: лекарства – яд смертельный
Тем, кто любовью болен беспредельной.

Сонет 141

Мои глаза в тебя не влюблены, –
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.

...В своем несчастье одному я рад,
Что ты мой грех и ты мой вечный ад.

Сонет 148

...Любовь хитра, – нужны ей слез ручьи,
Чтоб утаить от глаз грехи свои!

Сонет 150

...Особенной любви достоин тот,
Кто недостойной душу отдает.

Сонет 151

...Кто знал в любви паденья и подъемы,
Тому глубины совести знакомы.

Сонет 152

...Я клялся в доброте твоей не раз,
В твоей любви и верности глубокой.
Я ослеплял зрачки пристрастных глаз,
Дабы не видеть твоего порока.

Я клялся: ты правдива и чиста, –
И черно ложью осквернил уста.

Сонет 154

Любовь нагрела воду, – но вода
Любви не охлаждала никогда.

Г Л А В А 5

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

В качестве метода исследования применялось анкетирование. 17 поставленных вопросов отражали характер взаимоотношений с близкими и не близкими людьми и должны были раскрыть содержание темы.

В эксперименте принимали участие студенты ВГУ в количестве 83 человек, воспитанники колонии № 1 г. Витебска в количестве 30 человек, члены православного молодежного братства во имя Святого Праведного Иоанна Кронштадтского в количестве 18 человек, учащиеся ВГМУ в количестве 15 человек, члены православного сестричества Свято-Георгиевского храма в количестве 12 человек, слушатели духовного училища в количестве 29 человек. Всего в анкетировании принимало участие 187 человек.

Обработка данных выполнялась на основе анализа таблицы сопряженности (№ 4).

Для случая низких частот наблюдения использовались точный критерий Фишера. Как принято в прикладной статистике, проверялись O -гипотезы. Например, количество любви в душе человека не зависит от того, прощает человек других людей или нет. Знак связи ($-$ или $+$) показывает на направление зависимости, если она обнаружена.

		A B	
	a		b
	↙ ↘		↗ ↖
	↙ ↘		↗ ↖
	c		d

Знак ($-$) показывает, что $(ad-bc)>0$. Если зависимости нет, то знак не важен.

Обработка результатов эксперимента.

1. Что делать, если Вас обидели?

O -гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, прощает он другого человека или нет.

	Г	В
Прощает	13	64
Не прощает	67	16

Вероятность ошибки при отказе от O -гипотезы составляет 0,0%, O -гипотеза отвергается.

2. Что делать, если Вам изменили?

O -гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, прощает он измену или нет.

	Г	В
Прощает	8	51
Не прощает	64	25

Вероятность ошибки при отказе от O -гипотезы составляет 0,0%. O -гипотеза отвергается.

3. Как вы относитесь к ревности?

	Т	В
Отрицание	26	68
Одобрение	44	28

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, признает он ревность или нет.

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,0%.
О-гипотеза отвергается.

4. Кого у Вас больше, друзей или врагов?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, больше у него друзей или врагов.

	Т	В
Друзей	52	86
Врагов	14	12

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,09358%.
Нет оснований отказываться от О-гипотезы (данные ей не противоречат).

5. Что делать, если дети не слушают?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, наказывает он детей или нет.

	Т	В
Наказывать	16	22
Искать выход	50	11

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет +0,45%, или больше 5%. Нет оснований отказываться от О-гипотезы (данные ей не противоречат).

6. Раздражают ли Вас родители?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, раздражают его родители или нет.

	Т	В
Нет	31	68
Да	22	41

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,378%, или больше 5%. Нет оснований отказываться от О-гипотезы (данные ей не противоречат).

7. Что нельзя простить человеку?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, прощает он другому все или нет.

	Т	В
Все	7	40
Не все	50	46

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,0%.
О-гипотеза отвергается.

8. Кто Вам никогда не изменит и все простит?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, надеется он на Бога или на людей.

	Т	В
Бог	—	4
Люди	55	62

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,0%.
О-гипотеза отвергается.

9. Свойственно ли Вам раскаяние, сожаление о случившемся?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, раскаивается он или нет.

	Т	В
Да	55	93
Нет	8	6

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет -0,12%. Нет необходимости отказываться от О-гипотезы (данные ей не противоречат).

10. Просите ли Вы прощения?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, умеете ли вы просить прощения или нет.

	Т	В
Отрицание	26	68
Одобрение	44	28

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,559%. Нет необходимости отказываться от О-гипотезы (данные ей не противоречат).

11. Чей гнев страшнее всего?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, боится человек гнева Божия или человеческого.

	Т	В
Отрицание	26	68
Одобрение	44	28

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,0%.
О-гипотеза отвергается.

12. Что такое настоящая любовь?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, какое определение любви он выбирает.

	Т	В
Евангельское	10	55
Светское	44	34

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,0%.
О-гипотеза отвергается.

13. Чья любовь была бы для Вас спасением?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, на Божью любовь он надеется или на человеческую.

	Т	В
Божья	3	50
Человеческая	58	55

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,0%.
О-гипотеза отвергается.

14. Можно ли любить ближнего как самого себя?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, признает он любовь к ближнему или нет.

	Т	В
Да	37	80
Нет, не всех	26	18

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,0%.
О-гипотеза отвергается.

15. Как заслужить любовь ближнего?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, заслуживает ли он любовь ближнего.

	Т	В
Относиться как к себе	31	79
Всякие уловки	38	26

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,0%.
О-гипотеза отвергается.

16. Что такое Божественная любовь?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, принимает он Евангельское определение или светское.

	Т	В
Евангельское	29	78
Светское	36	25

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,0%.
О-гипотеза отвергается.

17. Что такое земная любовь?

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, принимает он Евангельское определение или светское.

	т	в
Евангельское	18	43
Светское	55	56

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,0%.
О-гипотеза отвергается.

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, мужчина это или женщина.

	т	в
Мужчины	37	28
Женщины	40	69

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет +0,00733%.
Нет оснований отказываться от О-гипотезы (данные ей не противоречат).

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от того, имеет человек высшее (не законченное высшее) или среднее (среднее специальное) образование.

	т	в
Высшее	30	58
Среднее	48	36

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,00191%.
О-гипотеза отвергается.

О-гипотеза: количество любви в душе человека не зависит от его возраста.

	т	в
До 25 лет	78	60
После 25 лет	0	35

Вероятность ошибки при отказе от О-гипотезы составляет 0,00%.
О-гипотеза отвергается.

Из всех полученных ответов наиболее близко к гуманитарному (православному) пониманию любви стоят следующие ответы на вопросы, среди воцерковленных людей: 1, 2, 4, 6, 9, 10, 11, 14, 16. Среди теоретически верующих эти показатели значительно ниже. Они отражены в материалах обработки. И это является свидетельством того, что теоретическое признание Бога недостаточно для сотериологии (учение о спасении). Данные обработки также подтверждают, что количество любви в душе человека не зависит от образования, пола, возраста.

АНКЕТА

1. Что делать, если Вас обидели?
2. Что делать, если Вам изменили?
3. Как Вы относитесь к ревности?
4. Кого у Вас больше, друзей или врагов?
5. Что делать, если дети не слушают?
6. Раздражают ли Вас родители?
7. Что нельзя простить человеку?
8. Кто Вам никогда не изменит и все простит?
9. Свойственно ли Вам раскаяние, сожаление о случившемся?
10. Просите ли Вы прощения?
11. Чей гнев страшнее всего?
12. Что такое настоящая любовь?
13. Чья любовь была бы для Вас спасением?
14. Можно ли любить ближнего как самого себя?
15. Как заслужить любовь ближнего?
16. Что такое Божественная любовь?
17. Что такое земная любовь?

Ваше отношение к вере, религии, церкви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любовь является ведущей потребностью человека, одним из главных способов укоренения его в обществе. Человеку нужны человеческие корни, столь же глубокие и прочные, как инстинкты животного. И таким корнем является любовь. Любовь есть вообще драгоценное благо, счастье и утешение человеческой жизни – более того, единственная подлинная ее основа – это есть истина общераспространенная, как бы прирожденная человеческой душе, – писал С.Л. Франк в своей работе «С нами Бог». Это касается прежде всего разных видов любви к человеку, но не только их, а в определенной мере и всех других видов любви. Социальная направленность в своем высшем проявлении – это любовь, – пишет психолог Э. Шпрангер. – Она может быть основополагающим чувством, обращенным на отдельный предмет или круг предметов и при этом не терять характера ведущей потребности, определяющей все индивидуальное бытие.

Особо следует подчеркнуть универсальность любви: каждый человек находит в конце концов свою любовь и каждый является или со временем станет объектом чьей-то любви. Красив человек или безобразен, молод или не очень, богат или беден, он всегда мечтает о любви и ищет ее. Причина этого проста: любовь – главный и доступный каждому способ самоутверждения и укоренения в жизни, которая без любви неполнокровна и неполноценна. Любовь может вспыхивать и гаснуть, одна любовь может замещаться или вытесняться другой, но человек всегда или любит, или надеется полюбить, или живет воспоминаниями о былой любви. Переоценить значение любви в жизни человека очень трудно. А недооценить или вообще не придавать ей никакого значения, это, пожалуй, и легко и просто по одной простой причине, что это чувство во все времена считалось скорее личным, нежели общественным, от правильного определения которого зависит выживаемость человечества, в глобальном смысле, и судьба отдельного человека, в частности. Казнить нельзя помиловать. Где должна стоять запятая? Если требуется казнить, то после слова «казнить». А если требуется помиловать, то после «помиловать». Лицемерная позиция предпочитает нигде не ставить запятую, чтобы потом ни за что и не отвечать. А дальше хоть потоп: казнят так казнят, повезет – значит помилуют.

Такое отношение к любви существовало во все времена: все ею пользовались, все ее искали, все ею наслаждались, правда, у кого как получалось, все ее искажали, извращали, но никто не смел, то ли в силу природной стеснительности, то ли ханжества, а может быть и умышленно, сказать, что это основной закон человеческой жизни, и правильно определенный и сформулированный, этот закон, независимо от

общественного строя, даст свои плоды и результаты, достойные человека – творения Божиего. Ни одному поборнику науки и превозносителю человеческого разума не пришло в голову задаться вопросом: «А чего ради Христос пошел на Крест? Почему это было так важно для Него, что Он даже жизни своей не пожалел и принял мученическую смерть?». Не видно такого желанья у ярых безбожников. Хотя логика очевидна: попробуй исполнить все, что Он завещал, попробуй пройти путь Его любви и тогда, может быть, исчезнет желание изобретать «собственное евангелие», идущее от желаний лукавого ума, а не любящего сердца.

Человечество в своей надменности и недалекости уже напрямую стоит одной ногой у пропасти, ослепленное достижениями цивилизации – убийцы всего живого. Хорошенько не разобравшись с последствиями своего вторжения в атом, оно забросило эту идею, не сделав должных выводов из произошедших катастроф (Херосима и Нагасаки, Чернобыль и десятки малых аварий, о которых большинству и неизвестно).

Далее – Космос. Зарвавшиеся миллионеры, которым нет дела до голодных и обездоленных людей, благодаря которым они заработали свое богатство, теперь собираются путешествовать на далекие планеты, совершенно не представляя себе последствий этих путешествий для всего человечества.

Далее – клетка (клонирование и прочая экзотика). Если она ашифрована и нет доступной реальности ее расшифровать, не сотворив зла, во-первых, а, во-вторых, почему не возникает вопрос: «Кто ее зашифровал?» То, может быть, не стоит искушать судьбу? Не зная броду, не лезь в воду. Но упрямый ум ученого-младенца, сломавшего одну погребушку и бросившего ее из-за потери интереса, а желанья заниматься рутинной работой и восстанавливать ее нет, все ищет и ищет себе новые страстные развлечения и удовольствия оказаться умнее Творца.

А ведь все уже есть и давно открыто и написано. От человека требуется только одно – признать истину там, где она существует, а не там, где ему очень хочется. А истина эта – Христос, единственный на земле, который ради любви к людям пошел на крест и не только простил всех, Его предавших и убивавших, но и до конца любил их.

Однако экспериментальная часть нашего исследования показала, что даже среди верующих и воцерковленных людей не все обстоит так гладко и безоблачно. В некоторых ответах воцерковленных людей есть противостояние тем заповедям, которые могли бы продемонстрировать наличие заповеданной любви. Особенно это касается ответов, сопряженных с прощением, отношением к ревности, взаимоотношениями с родителями, любовью к ближнему и наличием у некоторых верующих неприязненных и враждебных отношений в межличностной сфере. Причем речь идет не о фатальных ситуациях, а об обыденной практике человеческого общения. Неверующие испытуемые большую часть своих

ответов связывают не всегда с нормативными способами преодоления жизненных ситуаций.

История человечества в своей повседневной практике, игнорирующая основную заповедь, приложила гигантские усилия к воцарению антропологической катастрофы, в которой уже давно налицо не любовь к ближнему, а ненависть и тщеславие. В силу этих обстоятельств надо основательно прислушаться к В. Зинченко, призывающему человечество проснуться и осознать, что ему нужен не только бодрствующий мозг, но и бодрствующее сознание.

Обзор литературы показал, что человечество давно ищет встречи с Богом, но оно так чувственно, разумно и горделиво, что ему «не открывается ларчик», который Преподобному Серафиму Саровскому открывался просто: «Где просто – там ангелов со сто, а где мудрено – там ни одного». А старец Силуан Афонский говорил, что если бы люди хранили заповеди Христовы, то на земле был бы рай, и все имели бы все необходимое в достатке с малым трудом, и Дух Божий жил бы в душах людей, ибо Он Сам ищет душу человеческую и хочет в нас жить, и если не вселяется, то только из-за гордости нашего ума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев, Д.А. Врачевание души: истинное и ложное / Д.А. Авдеев. – М.: Русский Хронограф, 2001. – 125 с.
2. Аверинцев, С.С. Христианство. Энциклопедический словарь / С.С. Аверинцев, А.И. Мешков, Ю.И. Попов. – М.: Большая российская энциклопедия, 1995.
3. Андреев, И.Л. Истоки любовной страсти / И.Л. Андреев // Человек. – 2002. – № 1.
4. Аптон, Г. Анализ таблиц сопряженности / Г. Аптон. – М.: Финансы и статистика, 1982.
5. Артемьев, П. Психология самопознания или как найти формулу жизни / П. Артемьев. – М.: АСТ-ПРЕСС-СКД, 2002. – 301 с.
6. Берг, Л.С. Теория эволюции / Л.С. Берг. – Прага, 1922. – С. 67–68.
7. Братусь, Б.С. Должное неизбежно связано с сущим / Б.С. Братусь // Человек. – 1998. – № 4. – С. 67–75.
8. Братусь, Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. – 1990. – № 6. – С. 9–17.
9. Булгаков, С. Свет Невечерний / С. Булгаков. – Сергиев Посад, 1917.
10. Бэкон, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Бэкон. – М., 1977. – Т. 1.
11. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1976. – Т. 1.
12. Девис, П. Суперсила / П. Девис. – М., 1989. – С. 265.
13. Демидов, А.Б. Феномены человеческого бытия / А.Б. Демидов. – Минск: Издательский центр Экономпресс, 1999. – 179 с.
14. Достоевский, М.Ф. Переписка / М.Ф. Достоевский, А.Г. Достоевская. – М., 1979.
15. Духовное чтение: Старец Силуан. Жизнь и поучения / Архимандрит Софроний. – М.: Православная община, 1991. – 460 с.
16. Зелиг, К. Альберт Эйнштейн: пер. с нем. / К. Зелиг. – М., 1966.
17. Зинченко, В.П. Предмет психологии? Подъем по духовной вертикали / В.П. Зинченко // Человек. – 2001. – № 5.
18. Кант, И. Сочинения: пер. с нем. / И. Кант. – М., 1965. – Т. 4, ч. 1. – 544 с.
19. Клячко, В. Наука познает мир / В. Клячко // Наука и религия. – 1967. – № 1.
20. Краткое догматическо-нравственное учение для христиан. – М.: Издательство «Правило веры», 1996. – 149 с.
21. Кто кем побежден, тот тому и раб: брошюра. – Калуга: Православный Фонд, 1996. – 221 с.

22. Кудрявцев, В. Начальные основания философии / В. Кудрявцев. – 7-е изд. – Сергиев Посад, 1910.
23. Кузанский, Н. Сочинения: в 2 т. / Н. Кузанский. – М., 1980.
24. Кураев, А. Если Бог есть любовь... / А. Кураев. – М.: Свято-Тихоновский Богословский институт, 1997.
25. Лососий, В.И. Очерки мистического богословия восточной церкви / В.И. Лососий. – М.: Центр СЭИ, 1991.
26. Максим (исповедник) Святой. О любви в четырех сотнях / Максим (исповедник) Святой. – М.: Синодальная типография, 1845. – 77 с.
27. Научно-публицистические чтения. Этическая мысль. – М.: Политическая литература, 1988. – 380 с.
28. Осипов, И.М. Путь разума в поисках истины / И.М. Осипов. – М.: Братство во имя благоверного князя Александра Невского. – С. 379.
29. Отец Арсений. – М.: Паломник, 2001. – 507 с.
30. Отцы, матери, дети. Библиотека журнала «Альфа и Омега». – М.: Издательство московского подворья Троице-Сергиевой Лавры, 2001. – 459 с.

Научное издание

АБРАМОВА Лариса Николаевна

ИПОСТАСИ ЛЮБВИ

Монография

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Корректор

Л.В. Моложавая

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Подписано в печать 2016. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,75. Уч.-изд. л. 5,68. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.